

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ЕЛЕНЫ БОНК

СВЕТЛАНА ЛИПНИЦКАЯ

16+

СЕРИЯ "АСТРОБИОЛОГ", ТОМ II

ПРОФЕССИЯ ЗА ТРИДЕВЯТЬ ПАРСЕКОВ

Астробиолог

Светлана Липницкая

Профессия за тридевять парсеков

«Автор»

2019

Липницкая С.

Профессия за тридевять парсеков / С. Липницкая — «Автор»,
2019 — (Астробиолог)

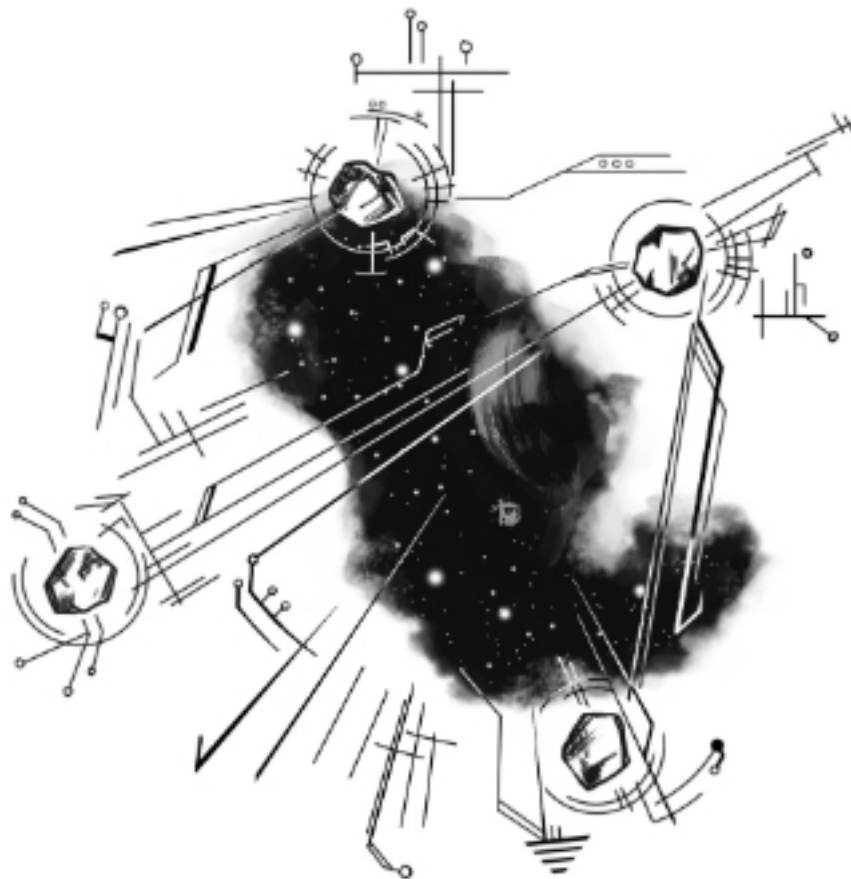
Нелегко быть пиратским капитаном, но его заместителем — просто невыносимо! Наемники бунтуют, корабль не слушается, хищники норовят отгрызть от тебя кусок... Кажется бы, с возвращением командира жизнь должна наладиться, но не тут-то было! Что такого в невзрачном булыжнике, с которым он так носится? Почему с ним это жуткое существо в костюме из человека? И зачем, во имя всех космических тел, он приволок на борт какую-то землянку?! Раз никто не отвечает, придется разобраться самому!

Содержание

Космический крейсер «Армада»	6
Межгалактический линкор «Фибрра»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Светлана Липницкая

Профессия за тридевять парсеков

Космический крейсер «Армада»

Фокарт Молл, первый помощник капитана космического крейсера «Армада», очнулся на полу и болезненно сморщился. В голове будто пчелы роились, жаль во все подряд. Почему-то особенно доставалось вискам, хотя удар – Фок точно помнил – пришелся под правый глаз.

– Ты его убьешь когда-нибудь! – услышал он укоризненный голос, а потом маленькие ладони, пахнувшие металлом и чем-то незнакомым, сладким, осторожно похлопали по щекам.

Фок разлепил глаза и увидел над собой сразу двух Людочек, расплывчатые силуэты которых водили хоровод, как звезды бинарной системы. Он с усилием моргнул, и те наконец слились в единый образ.

– Он крепче, чем ты думаешь. Эй, Фок! – Пощечина от капитана оказалась весомее. – Очнулся? Скажи что-нибудь!

– Хватит меня лупить! – послушно простонал Фок и попытался сесть, но его тут же уложили обратно.

Яркий световой луч ударил прямо в подбитый глаз и отозвался в черепе настоящей бомбой.

– Сотрясения нет, – спокойно констатировал Сергей, выключая фонарик. – Говорил же, все в порядке!

– В следующий раз может быть хуже!

– Тренировки как раз для того, чтобы было лучше. Из каждого урока можно извлечь пользу. Фок, какой вывод ты сделал сегодня?

– Что у вас тяжелая рука, – отрешенно ответил Фок, снова приподнимаясь. На этот раз – беспрепятственно.

– Хороший вывод, – одобрил капитан. – Осталось научиться под нее не попадать.

Фок кивнул и пожалел об этом. Звон в ушах сменился шумом пульсирующей крови. А ведь почти увернулся в этот раз! Но лучше бы Сергей перестраховался и, как обычно, остановил кулак заранее.

Людочка погладила по голове, убрала со лба взмокшие пряди и куда-то убежала. Фок покосился на капитана, размышляя, стоит ли спрашивать, в чем была ошибка, или все и так должно быть ясно.

– Чего смотришь? Извиняться не буду, сам виноват.

– Да я и не рассчитывал, – фыркнул Фок.

В конце концов, он сам уговорил Сергея возобновить тренировки и не жалел об этом. Если не шараться от противника, можно научиться предугадывать следующее движение и уклоняться. Он по-прежнему не видел смысла причинять кому-то боль, а вот постоять за себя... Реакция у Фока была что надо, жаль только, капитан оказался быстрее.

Вернувшись Людочка протянула стакан и капсулу с каким-то лекарством. Фок выпил, не задумываясь, как в детстве, когда мама с точно таким же видом сбивала приболевшему сынишке температуру. Боль нехотя уползла куда-то вглубь, еще давая о себе знать, но уже не так рьяно.

Девушка присела рядом и принялась смазывать место удара регенерационной мазью. Невысокая, крепенькая, по-военному подтянутая Джамалудира была совершенно не похожа на маму внешне. Неровно остриженные пряди падали на лицо с одной стороны, маскируя шрамы и изувеченное ухо, а на затылке обрывались коротким ежиком. По возрасту она скорее годилась Фоку в сестры, но беспокойство в ее глазах было настолько искренним, что он неожиданно для самого себя расчувствовался и поспешил отвести глаза.

– Ну что, продолжим?

Фок охнул и попытался возобновить спасительный обморок, а Людочка уставилась на капитана с молчаливым укором.

– Да шучу я, шучу. Отдыхай, боец.

Капитан ушел к энерпульту – проверять, не сбилась ли «Армада» с установленного курса за время его отсутствия. Отбитый у подельника корабль слушался его безукоризненно, но Сергей все равно часто связывался с компьютером. То ли ожидал подлости от захваченного крейсера, то ли просто не мог наиграться с новой игрушкой. Фок склонялся ко второму варианту.

– Ты уверен, что в порядке? – Людочка помогла подняться. – Голова не кружится?

Утвердившись на ногах, Фок уперся взглядом в ее макушку и неожиданно осознал, как вырос за последнее время. Еще недавно они были одного роста, а сейчас он уверенно смотрел на нее сверху вниз. Того и гляди догонит капитана! Фок расплылся в довольной улыбке и решительно отмахнулся. Он уже взрослый, и опека ему ни к чему. А то Сергей засмеет...

– Все отлично, Джам. Спасибо.

Джамалудира на сокращение имени отреагировала благосклонно, ничем не выдав удивления, зато капитан оторвался от любимой «Армады» и скривился.

– Джам, джем, крем – фу! Где ты этой гадости понабрался? Раньше ее имя тебе язык не дробило.

– Мне нравятся оба варианта, – примирительно заметила девушка. – И мое имя ничуть не сложное.

– Оно слишком длинное.

– «Людочка» тоже длинное.

– Зато родное.

Помощница капитана порозовела и смущенно поправила челку. Другие девушки обычно заправляли пряди за ухо, а Людочка, наоборот, приглаживала спереди.

– Устроишь нам покушать, дорогая? – Сергей обаятельно ей улыбнулся.

Для Людочки это был контрольный в голову. Фок за ее спиной беззвучно фыркнул в кулак: и ведется же! Ох уж эти девчонки! Не то чтобы Фок разбирался в заморочках слабого пола, но то, что капитан ею манипулирует, было понятно всем, кроме, почему-то, самой Людочки. Она умчалась выполнять поручение так охотно, будто ее послали купить сандарский¹ бриллиант.

– Смотри не влюбись, Фок. А то мне придется убрать конкурента.

Сергей говорил убийственно серьезным тоном, но Фок уже наловчился отделять его шутки от правды. Впрочем, он и не собирался в кого-то там влюбляться. Заняться ему больше нечем! Ухаживай еще за этими девчонками, цветы дари. А где их взять-то в космосе, цветы эти? А конфеты он и сам бы с удовольствием съел, да нету.

– Хорошо, ее здесь нет – решила бы, что свадьба не за горами. Армада бы с ума сошла от ревности!

Сергей засмеялся. Пиратский корабль и супружеская жизнь были так же далеки друг от друга, как два конца Вселенной. А уж представить капитана примерным семьянином совсем не получалось. Вот на велюровом диване в каких-нибудь «галадевочках» – запросто.

– Я не виноват, что нравлюсь женщинам.

– Это все «краса неземная», – припомнил Фок, и в ответ на вопросительный взгляд пояснил: – Я это от кого-то из наших слышал.

– Это мне Людочка однажды зарядила такое, – с усмешкой признался Сергей. – Капа подслушал и подхватил. Теперь всем тайком рассказывает и угорает. А я не знаю, беситься или ржать вместе со всеми.

¹ Сандар – планета в системе Киан, на которой добывается редкий вид драгоценных камней, славящихся своей чистотой и целебными свойствами.

Фоку внешность капитана была глубоко безразлична, хотя насчет «неземной» можно было и поспорить. Ведь именно земные гены и придавали Сергею той самой чудинки, на которую падки девушки во всех мирах. Вот те же глаза, например. Пожалуй, Фок и сам не отказался бы умирять подчиненных одним взглядом. Его собственные были теплого шоколадного оттенка, как и у всех представителей миррийской расы, и таким даром не обладали. Наверное, для этого нужно родиться на дикой и странной Земле.

Когда-то Фок обожал слушать рассказы отца об этой планете. Земляне казались ему чем-то вроде людоедов из детских сказок: вот прилетишь к ним с миром, а они тебя сцапают и разрежут для своих варварских опытов! Брр. Тогда Фок не мог и подумать, что когда-нибудь увидит одного из них так близко. А чистокровные земляне, должно быть, еще страшнее.

– Что вы делаете?

Сергей разглядывал какие-то картинки. Фок тоже подошел к энепульту и встал у спинки кресла. Несмотря на действие мази, скула медленно опухала, а глаз заплыл и плохо слушался. Он хмуро потер самое больное место, закрыл здоровый глаз и уставился в затылок капитана вторым, пытаясь понять, не нанесен ли зрению непоправимый урон. Веки пощипывало и хотелось щуриться, как при сильном ветре, но это пустяки. Прилетало и посильнее.

Капитан напряженно расправил плечи и неожиданно резко потребовал:

– Не маячь за спиной!

Фок, не споря, передвинулся вбок, чтобы быть в поле зрения, а когда Сергей кивнул и расслабился, в шутку спросил:

– Бойтесь, я вам нож под лопатку воткну?

– Скорее, что на макушку плюнешь, – усмехнулся Сергей. – Просто не люблю, когда сзади подкрадываются. Хочется развернуться и выстрелить. Рефлекс.

О том, что капитан не доверяет даже своим людям, Фок догадался давно. Ярким подтверждением служил тот факт, что на новом корабле он первым делом приказал заварить люк, ведущий из рубки в капитанскую каюту. Сергей предпочитал пройти общим коридором, но спать спокойно, зная, что никто не вломится к нему среди ночи, минуя дверь.

– Но я же... друг.

Последнее слово далось нелегко, но других синонимов определению «человек, благодарный за то, что его спасли и приютили, и не способный на всякие подлости» он с ходу не подобрал.

– Слышь, друг, – Сергей на миг оторвался от экрана, чтобы взглянуть на помощника, – кончай выкать, сто раз просил! Будто пристав из МИК, аж тошно.

– Я не могу так сразу! – Он действительно неоднократно пытался, но в последний момент язык будто сворачивался в трубочку, отказываясь фамильярничать с грозным капитаном. – Вы старше!

– Поколение-то одно.

– Но не год же!

– Дожил, – устало вздохнул капитан, – подростки стариком считают!

Фок потер все еще гудящий лоб. На Мирре детей учили почтительности с ранних лет, не делая различий вроде: «вот этот человек родился чуть раньше, он ровня, а это старик – к нему проявляй уважение». Старше значит старше, что тут непонятного? А Сергей вообще начальник! Ладно еще Людочка – с ней как-то само собой все сложилось...

– Ну так... чем вы заняты? – попытался сменить тему он.

Капитан демонстративно промолчал. Фок, пользуясь тем, что Сергей на него не смотрит, обреченно закатил глаза. Вот же упертый, хуже любого старика! В среде пиратов действительно было не принято разводить «официальщину». Фок всегда думал, что это из-за воспитания подавляющего большинства, которое, мягко говоря, отсутствовало. А оказывается, банальная

вежливость напоминает бандитам исконных врагов – судебных приставов. А если в следующий раз им припечет суп вилкой есть?! А то у копов ложки, ужас-то какой!

Он собирался так же демонстративно уйти, но на полдороги передумал. Заняться было решительно нечем, а болтаться с Сергеем куда интереснее, чем скучать в каюте. Еще, чего доброго, заглянет кто-нибудь из наемников, придется выслушивать насмешки по поводу свежего «фонаря» и догадки о том, за какую провинность капитан «подсветил» ему глаз.

– Что в... что ты... – упрямо поборол собственный язык Фок и выдохнул, как после сложного упражнения. – Делаете... то есть ешь... то есть... Да ...! – Он выругался и в ужасе зажал себе рот, а капитан оглушительно расхохотался. Похоже, приставы были ни при чем, тому просто нравилось выводить Фока из зоны комфорта. Фок подумал, что терять уже нечего – базарная ругань и так приравнивалась к смертному греху – и выпалил: – Что ты делаешь?!

– Во-от, уже лучше, – довольно протянул Сергей. – Ты как, ничего? Мир не рухнул?

– Не смешно! – обиделся Фок. Знал бы Сергей, как нелегко ему даются такие вот простые, казалось бы, вещи! Он чувствовал, что предает этим свою родину, воспитавшую того, уже бывшего, но все равно привычного себя.

– Я, дружок, люблюсь видами будущего Эдема. Вот, например, смотри: здесь будет водопой. Лес, глушь и никаких людей вокруг. – Сергей продемонстрировал спутниковое изображение обширного лесного озера, сверху похожего на зеркальное блюдце. – Красота?

– Красота, – согласился Фок. – Только там вон домики какие-то, наверняка деревня рядом.

– Считай, ее уже нет. Когда добуду четвертый фрагмент...

Фок честно прождал минуту, думая, что Сергей продолжит оборванную фразу, но капитан молчал.

– Мне кажется, вам нужно больше доверять своим людям.

– О-хо, ты решил поучить меня жизни? – восхитился Сергей и с напускным любопытством воззрился на подчиненного снизу-вверх.

Фок немного отступил, чтобы капитану не приходилось сильно задирать голову. Миррицы интуитивно подстраивались под окружающих, стараясь предоставить всем максимальный комфорт. Он сделал это машинально и только потом задумался, не примет ли Сергей этот шаг за признак трусости.

Но капитан даже не заметил – или не подал виду – продолжая разыгрывать из себя прилежного ученика. Фок приободрился.

– Вам никогда не хотелось подружиться с кем-то? Разделить проблемы на двоих, а не пытаться все поднять на собственных плечах?

– Хм, дай подумать... – Капитан подчеркнуто сморщил лоб и побарабанил пальцами по энепульту. – Нет.

– Совсем никогда? У всех же есть друзья! – не поверил Фок и помрачнел. – Или были когда-то...

– Друзья – это враги, которые пока себя не проявили.

– Но так ведь неправильно! У человека должен быть кто-нибудь, кто ему дорог!

– Зачем?

– Как это зачем?! – Фок вдруг осознал, что орет на собственного капитана, и уже тише продолжил: – Чтобы не быть одиноким.

Сергей, судя по всему, воспринимал сейчас помощника примерно так же, как любой взрослый – ребенка, уверяющего, что красные машинки ездят быстрее, потому что красивые.

– Одинокий человек свободен, пока другие привязаны поводком к кому-то там.

– Вам просто нужные люди не попадались, – уязвленно пробормотал Фок. – С которыми вы могли бы быть собой.

– Думаешь, мне стоит поискать друзей в причальных барах? – притворно-озабоченно спросил Сергей. – Или развесить объявления: «Приветик, я Сережа, профессия – пират. Отчаянно ищу в кого поплакать»? И смайлик еще в конце...

Фок представил себе тех, кто откликнулся бы на подобное объявление, и подавил невежливое фырканье.

– Предположим, вам действительно хорошо без друзей. Но мне-то вы почему не верите?

Капитан ответил одной из тех странных земных фраз, значения которых Фок никак не мог уловить:

– Потому что яблочко от яблоньки.

– А как насчет Людочки?

– Фок! – начал раздражаться Сергей. – В этом мире можно доверять только себе. Рекомендую усвоить это, пока жизнь не ударила в подставленную спину. У нее, поверь, рука потяжелее моей будет.

Задумавшись, Фок бессознательно облокотился на энеерпульт, случайно зацепив пару кнопок, и потревоженный компьютер отозвался противным писком. Парень отскочил, не понимая, что происходит. К системе управления новым кораблем у него доступа не было, так что он мог безбоязненно попрыгать на клавиатуре и в довершение уснуть прямо посреди россыпи кнопок. Максимум, чем это грозило, – веер раскрытых инфокон и запущенная вирт-игра. А сейчас он умудрился задействовать боевые системы «Армады»!

– С повышением, – без улыбки поздравил капитан в ответ на ошарашенный взгляд и отменил запуск импульсных ракет. – Пришло время научить тебя управлять кораблем.

Фок судорожно сглотнул. Водить боевые крейсеры он совершенно не хотел и вообще побаивался. Тут ведь одним движением рычажка можно разнести что-нибудь важное и чертовски нужное!

– Зачем?

– Ну, – передернул плечами капитан, – вдруг мне понадобится отлучиться?

Фок икнул от испуга и, забывшись, с легкостью преодолел нерушимый барьер субординации:

– Ты не можешь оставить «Армаду» на меня! Я не справлюсь с компьютером и наемниками... и с гипадерами!

– Уймись, я еще не ушел. Мне просто нужна страховка. Считай это приятным бонусом к вопросам доверия.

Фок считал это чудовищной ошибкой, равносильной брошенной в лицо «черной метке». Если Сергей покинет корабль, пираты передерутся за право заменить его на привлекательном посту, а Фока сметут и не заметят.

– Я ни за что не справлюсь! Назначьте Райна, его все уважают и будут слушаться!

– Вот именно поэтому – нет.

Капитан определенно сошел с ума! И дело даже не в каких-то там тенях – какие тени! Это уже не призрачные опасения, а реальный страх за собственную шкуру. А ведь Фок только от этого отвык!

– Вы же понимаете, что ваши люди никогда не позволят мне командовать здесь? Они преданы вам, а не мне!

– Дитя наивное, они преданы тому, кто им платит. Это не твоя проблема, я все уже продумал. Или, – Сергей прищурился, вызывая у Фока стойкую ассоциацию со змеей, – ты не доверяешь мне?

Фок открыл рот, но ничего цензурного сказать не смог. Это что, была проверка? Тогда он только что ее провалил.

– Вам я верю! – тем не менее горячо возразил он. – А вот Капе...

– Неужели? – «Змея» сменилась василиском, и Фоку захотелось, как раньше, ссутулиться и спрятаться подальше от его глаз. – Ну пошли.

Капитан поднялся и стремительно направился к выходу. Он успел пройти весь путь, остановиться в проеме и обернуться, прежде чем Фок сообразил, что от него требуется, и припустил за ним. Намерения Сергея, как обычно, менялись слишком быстро и не поддавались логике.

Капитан направлялся к лестницам. Фоку пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать, а потом и перейти на бег. Куда и зачем спешит Сергей, он не знал и терзался смутным предчувствием, что все это не к добру. Но сам виноват – расслабился, позволил себе непочтительное общение и споры. Что-то теперь будет? Капитан его, конечно, не убьет, но вот запереть в каюте, так сказать, подумать над своим поведением, вполне мог.

– Простите, – жалобно промямлил Фок.

Сергей обернулся, но ничего не сказал, и Фок окончательно сник. Дело пахло даже не каютой, а целым карцером. И зачем он только рот открыл! Ведь знал, что капитан ненавидит разговоры о «миррийской чуши»! Ой, что будет...

Когда Сергей спустился на жилую палубу, Фок уже готов был согласиться с любым мнением, лишь бы не заперли. Но капитан, оказывается, шел к собственной каюте.

Фоку доводилось пару раз бывать в каюте капитана на старом рейдере, но здесь такой необходимости до сих пор не возникало. Не то чтобы он стеснялся, просто следовал негласному правилу «не лезь в личное пространство капитана, если не хочешь больно сдохнуть» и старался обходить эту дверь на цыпочках.

Капитан терпеливо переждал вихрь пронесшихся у Фока мыслей и приглашающе махнул рукой – добро пожаловать, мол. Парень переступил с ноги на ногу.

– Да не съем я тебя, – подбодрил Сергей и, буквально силой втолкнув в каюту, сразу заблокировал дверь.

Едва переступив порог, Фок понял, что не просто крупно влип – он утоп!

Каюта была погружена во мрак, хотя автоматический свет должен был сработать на открывание двери. Впереди маяком светились лампочки энерпульты, и только благодаря им он сумел разглядеть две гибкие тени, метнувшиеся с разных сторон помещения. Фок пожалел, что не родился на планете Арани: умей он ползать по отвесным поверхностям, как тамошние паукообразные жители, наверняка уже был бы на потолке.

Он отшатнулся и врезался спиной в капитана. Гипадеры замерли, недовольно плеская хвостами. Низкий утробный клекот давал понять: он помеха на пути к обожаемому хозяину. Фок наплевал на субординацию и вцепился в капитана мертвой хваткой, борясь с желанием по-девчачьи завизжать.

– Свет! – скомандовал Сергей, и темнота, наконец, отступила.

Старую «Армаду» делали под заказ, взамен первого корабля, который капитан унаследовал от отца. Сергей лично занимался чертежами, расположив все основные и дополнительные отсеки по своему усмотрению. У него еще не было гипадер, но, видимо, он уже тогда рассчитывал поселить каких-нибудь монстров в непосредственной близости от командного центра, чтобы иметь под боком неподкупных союзников, доверяющих только ему.

Планировка крейсера была совсем другой. Самым значительным и радостным для Фока отличием стало отсутствие в рубке помещения, которое годилось бы под клетку. Конечно, можно было поселить хищниц в одну из пустующих кают или, например, на складе. Крейсер был огромным кораблем: легкий старый рейдер занял чуть больше половины ангара, оставив достаточно места для трех мобильных шаттлов, нескольких джамперов на случай эвакуации и прочей мелкой техники. Экипаж вольготно разместился на каютной палубе, а Фок целую неделю на автомате заруливал не туда. Так что для гипадер места бы хватило по-любому.

Но расстаться со своими жуткими питомцами капитан не пожелал и забрал гипадер к себе. Фок знал об этом, но, как и остальные, был уверен, что хищницы сидят на привязи или за ограждением, а не свободно бегают по всей каюте, встречая гостей с искренним гастрономическим интересом!

В шею уперлось прохладное дуло бластера.

– Ну проходи, чего встал? – Голос капитана прозвучал почти ласково. – Только руки убери, я не ценитель близких контактов.

Фок с огромным трудом заставил себя разжать побелевшие пальцы, но сдвинуться с места так и не решился. Хищницы, пьющие кровь своих жертв, были страшнее, чем все бластеры мира, вместе взятые.

Одна из них как раз приблизилась и принялась обнюхивать его ботинок. Ее подруга, склонив ушастую голову, с любопытством посматривала на капитана, будто спрашивая: «Это нам? Его можно съесть?».

Сергей опустил бластер и сильно толкнул его в спину. Фок отмер, рефлекторно шагнул вперед и едва не наступил на когтистую лапу. Оскорбленная гипадера отскочила и заклокотала, прижимая все четыре уха. Фок беспомощно вжался в стену, не помня себя от ужаса. Раньше Людочкина фобия казалась необоснованной, но после случая в рубке старого корабля, когда эти твари чуть не сожрали Капу, он ее понял. Гипадеры внушали трепет, как никто другой.

– Расслабься, я не собираюсь скармливать тебя им, – спокойно сказал Сергей, пряча бластер в кобуру на поясе.

Он безбоязненно присел рядом и погладил зверюгу вдоль хребта. Гипадера заурчала и прогнулась. Вторая хищница поспешила за своей порцией ласки, вклинившись между ними и едва не повалив хозяина на пол. Сергей засмеялся и так запросто ее отпихнул, что у Фока против воли отвисла челюсть: ну как собаку, честное слово!

– Видишь? Они не опасны. Иди сюда.

Фок так замотал головой, что чуть не свернул себе шею.

– Это вообще-то не просьба, – нахмурился Сергей.

– Пожалуйста, можно я просто уйду? – взмолился Фок. Он готов был на коленях ползать, лишь бы Сергей не заставил приближаться к этим чудовищам.

– Ты же сказал, что мне веришь.

– И за это вы хотите меня убить?! – Голос сорвался, но сейчас Фоку было все равно, в каком свете он себя выставит. – Ну пристрелите, забейте до смерти, выкиньте в открытый космос – только не отдавайте им!

Гипадерам крик не нравился: их уши-локаторы улавливали даже ультразвук. Они раздраженно зарокотали, но с места не сдвинулись. В последнее время капитан уделял им мало внимания, и они не пожелали отойти от него даже на тот краткий миг, который понадобился бы, чтобы разорвать горластому человеку шею. Задрать безоружного они могли довольно быстро, а выпить кровь ведь можно и попозже...

Фок поймал себя на мысли, что действительно предпочел бы любую другую смерть.

– Они не нападут, пока я здесь.

– Это животные! – отчаянно прошептал Фок, уже не надеясь достучаться. – Вы не знаете, что творится у них в головах!

– А ты знаешь?

– Я знаю, что они хотят меня убить, этого достаточно!

– Так, все! – рявкнул Сергей. – Надоело. Или ты немедленно выполняешь приказ, или я ухожу, а ты разбирайся с ними сам!

– П-пожалуйста, пожалуйста, не надо!

– Раз...

Сергей поднялся. Гипадеры разочарованно твякнули и тут же переключились на Фока.

- Капитан, прошу!
- Два... – неумолимо продолжил тот.
- Сережа!
- Три.

Фок на негнущихся ногах сделал шаг вперед и практически упал на колени у ног капитана. Гипадеры удивленно выпрямились. Теперь их морды были в каком-то полуметре от лица Фока, а сверкающие серебром глаза с двойными зрачками – на одном уровне с его.

- Умница! – На дрожащее плечо легла уверенная рука. – Видишь, все не так страшно.

Фок был категорически не согласен с этим утверждением. Ему казалось, что сердце вот-вот остановится. Любознательная гипадера, которая интересовалась его ботинками, подошла вплотную и с фырканьем принялась к ссаженной щеке.

- Ее зовут Айвори. А это – Эбони.

Гипадеры казались совершенно одинаковыми, и как Сергей их отличает, было загадкой. Фок хотел что-то сказать, но не сладил с языком.

- Ну что, будешь и дальше петь песенки о безграничном доверии?

– Это здоровенные злющие хищники! – пролепетал Фок, не веря, что кто-то может не понимать такой очевидности. – Если они решат кого-то убить, ты их не остановишь, и дело тут не в доверии! Они и с тобой расправятся, если захотят!

Сергей помолчал, обдумывая сказанное, а потом как-то спокойно, как само собой разумеющееся, ответил:

- Ну, тогда я их пристрелю.

Фок недоверчиво качнул головой, но что-то подсказало: это правда. Капитан действительно убил бы вышедших из подчинения любимцев, которыми, казалось, так дорожит. Сергей ни к кому не привязывался, старательно держа дистанцию даже с верной Людочкой, но Фок надеялся, что со временем это пройдет. Не может же он быть совсем плохим? Фока-то он спас, значит, в нем еще осталось что-то хорошее! Так ведь?..

За все время, проведенное на пиратском корабле, он так и не спросил, почему из толпы пленных миррийцев, среди которых были куда более сильные и выносливые, Сергей выбрал именно его. Сперва это казалось неважным: Фок тяжело переживал разлуку с близкими, их возможную гибель. Потом пришел страх. Он до дрожи боялся капитана, этого непредсказуемого человека с ледяными глазами, который не останавливался ни перед чем, двигаясь к намеченной цели. Фок избегал его всеми силами, боясь лишней раз пикнуть. Памятный разговор в рубке старого рейдера стал чуть ли не первым их диалогом. В тот день Фок понял, что вел себя глупо. Капитан не перестал быть пиратом, но убийство Фока не входило в его планы. Почему – он не знал до сих пор, но уцепился за эту мысль, как за спасительную соломинку, и это помогло расправить сведенные ужасом плечи. Всего за месяц или чуть больше, Фок пообтерся, привык и даже начал получать удовольствие от общения. Может, и капитан изменится?

Он поднял голову и встретился с глазами, которые когда-то снились ему в ночных кошмарах.

- Почему ты меня спас? Зачем я тебе нужен?
- Сергей отпихнул льнущих гипадер и поднялся.
- Расскажу, когда ты сможешь мне поверить.

Межгалактический линкор «Фибрра»

Порой так хочется отмотать время назад! Исправить ошибки, переиграть шулера-судьбу и выбрать другой путь на развилке жизненных дорог. И всегда в такие моменты в голове насмешкой звучит: «Ах, знать бы, что так будет!».

Если бы я знала, какую подлость уготовила мне судьба этим утром, то, пожалуй, вовсе не вылезла бы из кровати, и пусть бы мир как-нибудь справлялся без меня. Но трели будильника не оставляли шансов поваляться в уютной постельке еще пару часов.

Мелодия с поэтичным названием «Птички на заре» раздражала, как неубитый с вечера комар. Казалось, она проникала в сознание, минуя уши, и откликалась все нарастающими волнами бешенства. Тот, кто так ее назвал, обладал очень специфичным чувством юмора.

– Да не сплю уже, не сплю! – простонала я и принялась шарить под подушкой. – Заткнись наконец!

– Команда «заткнись» не распознана, – нестигаемо откликнулись откуда-то сбоку, и механические «птички» запели еще громче, вызывая нестерпимое желание зажарить их на вертеле, а из яиц сделать гоголь-моголь.

– Зачем я только тебя терплю?!

Археологические раскопки в щели между койкой и стеной, куда коммуникатор своевольно укатился, заходясь вибрационными спазмами, все никак не приводили к желанному результату. И как только пролез, гаденыш, там рука-то застревает!

– Индивидуальные коммуникационные устройства являются обязательным снаряжением участников межгалактических экспедиций и должны быть у каждого члена экипажа, – настаивательно процитировали мне устав.

Кое-как выудив гаджет из закутка, я набрала комбинацию кнопок, решила математический пример и расшифровала капчу. Выдумать что-нибудь еще коммуникатор не сумел и наконец позволил отключить мерзкое пение.

– Сколько раз повторять, чтобы ты записал слово «заткнись» в словарь вербальных команд?!

– Я записал.

– И почему тогда не выключил?!

– Сбой процедуры распознавания голоса.

Коммуникатором меня обеспечил Рим, так и не признавшись, где взял. Впрочем, догадаться было нетрудно. Едва соприкоснувшись с кожей, новообретенный девайс объявил, что с такой грязнулей ему еще работать не доводилось, и принялся громко зачитывать все пункты устава, относящиеся к личной гигиене на борту, планетах и прилежащих к ним территориях, пока я судорожно нажимала все кнопки подряд, пытаясь отправить горластое устройство в спящий режим. Думаю, взаимная неприязнь родилась как раз в тот момент, когда гаджет, в ответ на попытки его утихомирить, шархнул меня током.

Имени у него не оказалось (или он просто счел меня недостойной этой информации), так что пришлось придумать самостоятельно. Когда-то Рим рассказывал о синтетической душе – загадочной теалийской технологии, благодаря которой электронные устройства обретали способность мыслить самостоятельно. Повторить успех погибшей расы так никому и не удалось, и получить гаджет «с характером» для многих было несбыточной мечтой. А вот я бы с удовольствием с кем-нибудь махнулась! Лучше немодный планшет, чем вредящее устройство, которое неизвестно что там себе надумает и как учудит. Но словосочетание «синтетическая душа» почему-то легло мне на сердце, так что гаджет получил имя Синт.

Найти общий язык с собственным коммуникатором оказалось труднее, чем с самым страшным хищником. Синт считал меня существом никчемным, что к поискам компромиссов как-то не располагало. Он оспаривал приказы, язвил и был настоящим мастером по части всяких подлостей. Больше всего меня раздражал режим «устройство тупое, послушное», когда Синт старательно прикидывался пай-мальчиком, которого недалекая хозяйка нагружает непрописанными в программе приказами, а потом еще и возмущается.

– Зачем ты вообще завел будильник? – прошипела я, собирая в дрожащую кучку последние целые нервы.

Вчера я допоздна торчала в зверинце, разбирая поднакопившиеся дела, и планировала сегодня отсыпаться до обеда. Синт разбудил меня в восьмом² часу, когда жизнь на корабле только начиналась. Конечно, кто-то наверняка уже или еще не спит: экипаж жил и работал в свободном графике, а некоторые инопланетяне вообще довольствовались кратковременным отдыхом в течение дня. Но меня на такие жертвы мог сподвигнуть только острый приступ трудолюбия.

– Ты вчера полдня ныла, что ничего не успеваешь! Вот тебе три часа свободного времени, дарю! – Синт замигал зеленым огоньком от избытка честности.

Я хмуρο потеряла глаза и поняла, что снова уснуть не получится. Сон растворился в раздражении, как сахар в теплом чае, оставив только сладкое послевкусие.

Подловить Синта на намеренном вредительстве было практически невозможно. Он успешно отбредивался программой, системой, сбоями и прочими эфемерными отмазками, в которых я мало что понимала и потому не могла крикнуть «ага!» и обличающе вздеть палец к потолку.

За шесть месяцев, прошедших со дня моего официального трудоустройства, жизнь преподнесла немало сюрпризов, и Синт далеко не главный из них. Распускать нюни из-за упущенного шанса вернуться на Землю стало банально некогда.

Едва мы оказались под куполом флиберийского космопричала, как Рим поволок меня оформлять документы. Рассусливать времени не было: «Фибрра» могла получить новую миссию в любой момент. Поскольку этот самый момент почти наверняка оказался бы неудачным, Леотимир настаивал на решении кадрового вопроса как можно скорее.

Помню, как мы толкались в толпе инопланетян, а я судорожно цеплялась за руку Рима, не обращая внимания на температуру. Было до ступора страшно отстать и потеряться.

Космопричал Флиберии был урбанистически красив, чист, как операционная, и совершенно чужд. Прозрачная полимерная крыша переливалась, как гигантский мыльный пузырь, задерживая и фильтруя лучи Ингард-Шейры³, но они все равно давили на психику, заставляя испуганно озираться и вжимать голову в плечи. Казалось, флиберийские светила только и ждут возможности растопить хлипкую преграду и поджарить копошащихся внизу существ, как рыб на сковороде.

Меня душила подступающая к горлу паника; стены казались слишком тонкими, чтобы выдержать объединенную мощь двух звездных гигантов. Я чувствовала себя жуком, над которым в погожий денек жестокий ребенок занес увеличительное стекло. Риму пришлось долго успокаивать, уговаривать и грозиться самолично зажарить меня, прежде чем давящее чувство опасности немного отступило.

Наученные горьким опытом, флиберийцы нашли идеальный баланс между технологиями и природой и застроили свои города, умело их сочетая. Узкие черные листья флиберийской флоры казались на фоне сияющих сверхнебоскребов нарисованными углем силуэтами. Освещалось все это какой-то хитрой лавой, текущей по прозрачным желобам тут и там. Над кос-

² В среднегалактических сутках тридцать часов.

³ Ингард-Шейра – двойная звездная система голубых гигантов; домашняя звезда Флиберии.

мопричалом величественно проплывали межгалактические лайнеры, готовые поспорить величиной с островами; подмигивая габаритными огнями, проносились быстрые легкие катера, перевозившие пассажиров из одного порта в другой; сновали скоростные капсулы-маршрутки. Закат двух солнц оказался незабываемым буйством красок – я так прикипела к окну, что Риму пришлось буквально отдира́ть меня оттуда.

Документы оформили легко, но с остальным пришлось повозиться. Похожий на саранчу пришелец сфотографировал меня жутким агрегатом, из которого, судя по размерам, должна была вылететь не птичка, а птеродактиль. Перебросив Риму на планшет какую-то справку и смерив меня оценивающим взглядом, он выдал комплект нашивок на форму и долгожданный темно-синий комбинезон.

Уже позже я узнала, что в той комнатухе меня хладнокровно прогнали через сканер, узнав всю информацию вплоть до количества волос; считали и внесли в базу отпечатки пальцев, сетчатку и, черт возьми, даже грязь под ногтями взвесили, что Рим не преминул заметить и осмеять. Так что уже через час я была сыта по горло флиберийскими наворотами и мечтала поскорее убраться оттуда.

Мы простояли на якоре еще три оборота⁴, пока бюрократы МИК не спохватились, что межгалактический линкор в доке вхолостую сжирает резервы планеты, и расщедрились на новое задание. Только на погрузку-выгрузку всего необходимого и сбор радостно разбежавшейся в увольнительную команды ушло полдня!

Я уже вознамерилась было использовать это время, чтобы потосковать о Земле – когда еще-то? – но неосторожно попалась капитану. Леотимир очень обрадовался и тут же объяснил, как мне, оказывается, недосуг.

Ворох проблем, с которыми прежде играючи справлялся Венимор, большей частью лег на мои плечи. Перечислив пару десятков основных обязанностей, капитан полюбовался ужасом на моем лице и окончательно добил рекомендацией выучить всегалактический язык. И даже поймал мне для этой цели Финика.

Лингвист тоже восторга не выразил, но спорить не посмел и рьяно взялся за дело, явно рассчитывая отвязаться поскорее.

К вечеру я различала цифры.

А следующим утром напрочь их забыла.

Что ни говори, трудно освоить чужеродный язык с нуля. Так что, несмотря на усердные занятия, говорила я по-прежнему плохо, путала «arbi» и «aarbi»⁵, зато научилась читать. На уровне школьника. Ладно: учащегося первого класса младшей школы. Для отсталых.

Справляться с обязанностями Веника без его доброжелательного руководства тоже оказалось непростой задачей, даже несмотря на то, что часть взяла на себя линатианка Тамия. Особенно тяжело пришлось в первые дни. Многих животных списали на Флиберию, но после них осталось столько недодиктованных отчетов и уборки, что пару дней мне не удавалось даже толком поесть. Потом стало полегче, но не успела я расслабиться, как судьба подкинула новую напасть.

Имя напасти – Хока. Уверена, родители сей девицы сразу поняли, что их ждет, и лихо замаскировали в двух слогах фразу «ходячая катастрофа». Ее появлению мы были обязаны кадровикам МИК, внезапно вспомнившим о запросе на ксенозоолога, который Венимор подавал еще до меня.

Девчонка, едва вышедшая из-под опеки высших учебных заведений, горела энтузиазмом, как политая керосином свеча. Казалось, она была повсюду: мы сталкивались в зверинце, на

⁴ Оборот – общее название планетарных суток. Величина зависит от периода обращения конкретной планеты вокруг своей оси и меняется от одного астрономического тела к другому. Оборот Флиберии – двадцать восемь среднегалактических часов.

⁵ Arbi – хлеб (всегалакт.); Aarbi – образовано от слов «Aarh» и «Abi», дословно – «червяк под соусом» (всегалакт.)

мостовой палубе и в ангаре. Она оказывалась на моем пути к рубке и подстерегала у дверей каюты. Я не знала, куда спрятаться, и уже всерьез подумывала просить у Лео политического убежища в его комнате. Хотя, зная Хоку...

– На шоу опаздываешь, – укорил снова надетый на руку Синт. Коммуникатор не ощущался кожей, но спать в нем я боялась, памятуя об электричестве и специфических методах побудки.

– Ой, помолчи! Второй раз я на этот трюк не куплюсь. Если надеешься, что я опять сломя голову побегу... Погоди, какое шоу?

– Ты хотела, чтобы я помолчал, – напомнило устройство и мстительно ушло в спящий режим.

Будить и расспрашивать было бесполезно. Во-первых, все равно не скажет, а во-вторых, не хотелось признаваться в развившейся благодаря его выкрутасам паранойе.

Выйдя из каюты, я привычно залюбовалась своей дверью. Рисунок зубной пастой значительно изменился, но это была не моя заслуга. Прознав о моем решении, экипаж подошел к поздравлению творчески и, пока я предавалась непробиваемому сну после бюрократической канители, расписал дверь каюты вдоль и поперек. Открытка вышла что надо. Роботы-стюарды, следившие за чистотой на этажах, не считали зубную пасту грязью, а потому эта красота радовала меня по сей день, успев намертво впаяться в белый пластик.

Подпрыгнув на силовых полях лифтовой шахты, я вознеслась на верхний этаж и вдохнула знакомый запах растений Мелиссы, которых на мостовой палубе было великое множество. Какой все-таки у нас уютный корабль! Здесь даже сутками пахать приятно, а выспаться, в конце концов, и завтра можно...

В следующий миг на меня сверзился толстый пищащий комок, отчаянно трепыхая крыльями и источая аромат сроду нечищенной пасти. Опознал комок быстро, но это породило еще больше вопросов. Лерийским ухокрылам место в клетке! Как он здесь оказался и что натворил?!

– Какого... – решила я уточнить все сразу, но договорить не успела.

– Саша, наконец-то!

Хока схватила в одну руку удравшего зверя, во вторую – меня, и потянула нас за собой с неумолимостью разогнавшегося паровоза.

Регулярные истерики из-за рассыпанного корма, найденной блохи и прочим не слишком важным поводам перестали удивлять меня уже через неделю общения с Хокой. Но на сей раз беда явно была посерьезнее. Ухокрыл пронзительно пищал и вырывался, наотрез отказываясь возвращаться в чем-то не угодивший ему отдел.

И не ему одному. По мере приближения невнятный гул перерос во внятный, но оттого не более привлекательный: за стеной скулили мои звери. Вести меня за ручку до самых дверей не понадобилось, я сама преотлично добежала, воображая по дороге страшные катаклизмы.

Но перед таким даже моя фантазия спасовала.

– Как?! – еле выдавила я, на миг охрипнув. – Как ты это сделала?!

– Я случаем-а-айно! – заверещало мое наказание, присланное не МИК, а богами, за все былые, текущие и грядущие грехи.

С последней высадки нам достался фламиотерикс. С первого взгляда стало понятно, что любовью к огню крохотный зверек посрамит самих флиберийцев. Существо размером с ладошку пылало жаром, как крохотное солнышко, а едва оказавшись в клетке, принялось так отчаянно дрожать, что я захлебнулась жалостью и тут же разработала план.

Вакуумные клетки практически универсальны: в них можно установить любую плотность и температуру, настроить давление и гравитацию – большинству живых существ в них весьма комфортно. Однако клетки не могут генерировать естественную среду обитания, только ее голограмму, и нам приходится обустривать привычные зверям условия самостоятельно. Мы

подсовываем им мелкие камешки, тазики с водой, навешиваем на гравиполях ветки и листья, чтобы обитатели далеких планет чувствовали себя у нас как дома.

Но естественная среда обитания фламиотерикса – лава, и мне пришлось использовать всю свою соображалку, чтобы создать в его клетке подходящую среду.

На одном из наших шаттлов плохо работал обогрев. Группа высадки не жаловалась, ведь оставалось еще три. Но МИК могла задержать корабль в космопричале до устранения проблем, а ждать ремонтную службу никому не хотелось. Так что Кай и Туоми водрузили туда пару обогревателей на основе флиберийской «лавы» – той самой, что освещала города. Для выхода в космос этого хватило, а когда шаттл починили, надобность в них отпала вовсе. Так и стояли они там, неприкаянные, пока я не умыкнула один для удовлетворения звериных нужд.

Продвинутые технологии спасовали перед ломиком. Ощущая себя вандалом, творящим гадости под покровом ночи, я взломала тонкий гляцевый корпус инопланетного обогревателя. Внутри оказалось то, что нужно – генератор флиберийской «лавы». Штука удобная и компактная: с одной стороны трубки специальный порошок, по центру – катализатор. Из грамма смеси получалось почти два кубометра густой горячей субстанции, одновременно похожей и на пену, и на жидкость. С нормальной земной лавой у нее было мало общего, но Рим упрямо твердил, что ненормальная она как раз на Земле, а на Флиберии самая лучшая.

Установленный методом случайного успеха, генератор мигом наполнил клетку, после чего запустил непрерывный цикл обновления, к искренней радости фламиотерикса.

Самодельный вулкан стал украшением зверинца. Он приятно мерцал теплым оранжевым светом, а сдерживаемый вакуумной стенкой жар давал достаточно тепла фламиотериксу и при этом не нагревал окружающее пространство. Короче, все было бы прекрасно, кабы не антиталанты Хоки.

«Просто проходя мимо», та по обыкновению споткнулась и не нашла ничего лучше, чем схватиться за генератор. А держался тот на добром слове и томике устава, которым я придавила его сверху...

Оказавшись на полу, ответственная флиберийская техника мигом смекнула, что по сравнению с клеткой снаружи собачий холод, и принялась активно прогревать отнюдь немалое помещение, щедро сыпя раскаленной массой. Хоке повезло не попасть под нее сразу, а там уж она с визгом бросилась прочь. Об отключении, разумеется, в таких условиях не было и речи.

Теперь отдел напоминал россыпь лавовых озер с вакуумными берегами, по которым в отчаянии метались мои звери. Помещению ничего не грозило: флиберийские материалы жара не боятся, но животные сходили с ума. Большинство панически боялось огня, как и их земные собратья. Звери верещали на все голоса, внося свою лепту в картину надвигающегося апокалипсиса.

Зато фламиотерикс так и светился от удовольствия!

Я бросилась к генератору, но на полдороги увязла подошвами в шипящей массе.

– Стой, я пробовала! Обожжешься!

Миковскую форму в «лаве» даже искупать можно, но Хока права, человеческая кожа подобной огнеупорностью не обладала. Подойти к эпицентру бедствия, не ошпарившись, вряд ли получится.

Обогреватель, будто в насмешку, расстрелял воздух горячими сгустками, и мы поспешно отбежали, пока не перепало и нам.

– Если не остановим процесс, он будет греть до трех сантиград⁶! В такой бане все корма перепортятся! – Я прикрылась негорючей папкой с отчетами как щитом, и тут же схлопотала на нее увесистую каплю.

⁶ Сантиград – единица измерения температуры, около 25 градусов Цельсия. Три сантиграта – флиберийский стандарт оптимальной температуры в помещении.

– Нужно звать флиберийцев!

«Звать флиберийцев» – универсальное Хокино решение всех вопросов, чему сами званные помощники уже устали удивляться. Девчонка умудрилась достать даже флегматичного капитана, дергая руководящее лицо по всякой чепухе. В последний раз Леотимир, вконец замороженный высосанными из пальца проблемами, отвел меня в сторонку и заявил, что, если «эта пигалица» еще раз выдернет его из рубки из-за линьки какой-то твари, он за себя не отвечает. Так что мне волей-неволей пришлось взять Хоку под свою опеку и постараться оградить ее от общения с другими членами экипажа.

Рим, раньше частенько забегавший поболтать, теперь обходил зверинец на цыпочках. Едва завидев парня, Хока вцеплялась в него, как гламурная фифа в распродажные туфли. «Флибериец-контактер, это же так необычно!» – с придыханием шептала Хока в ответ на все воззвания к удаленной хирургическим путем совести.

Пока я размышляла, флиберийский обогреватель снова просканировал отсек, счел свою работу невыполненной и обильным веером распылил «лаву» по всей комнате. Мы одинаково взвизгнули и бросились под стол. Животные в клетках, на которые тоже здорово плеснуло, завывали в голос. Я испуганно выглянула, вообразив, что крышки все-таки прожгло, но те держались. Зато сама едва успела отшатнуться, когда обогреватель мстительно выстрелил мне прямо в лицо.

Похоже, звать флиберийцев нам все-таки придется.

– Синт, свяжись с Римом! Срочно!

Хока рядом тихонько поскуливала от страха. Вдвоем в этом укрытии нам было слишком тесно.

– Нет связи.

– Как это нет?! – Я улучила момент и наполовину перебежала, наполовину перекатилась под другой стол. Но не успела осмотреться, как рядом плюхнулась запыхавшаяся Хока. – Чего ты за мной поперлась?!

Дипломированная специалистка по ксенозоологии вцепилась в меня, как домашний кот над полной ванной. В зеленых глазах плескался ужас.

– Да будет тебе! Подумаешь, небольшая авария...

– У-ы-ы...

Да-а, и чего ее в космос потянуло с такими нервами?

– Давно полоскает?

– Мин-нут пятнадцать...

– Почему ты сразу меня не вызвала?!

Хока едва не продырявила мою форму ногтями. Нижняя челюсть у нее дрожала, как будто жевала что-то мелкое и липкое.

– Я вызвала! У тебя коммуникатор недоступен!

– Та-а-к...

– А что сразу я? – обиделся Синт. – Мне сказали молчать, я и молчал.

Так вот о каком шоу он говорил!

– Немедленно свяжись с Римом!

– Да не отвечает он!

– Тогда с Кипом!

– С ним и пытаюсь! У твоего Айримира вообще-то нет встроенного передатчика в голове!

– Ладно, где они сейчас? И только попробуй сказать, что данных нет!

Синт на секунду замолчал, будто вообще отключился, но на самом деле просто отслеживал Рима по внутренним системам видеонаблюдения.

– В спортзале.

И чего его туда черт понес в такую рань?!

Из-под стола открывался удручающий вид. Звери визжали так, что приходилось их пере-крикивать. Хока скулила тише, зато надрывнее. Тащить ее за собой смысла не было.

– Сиди тут, сама за ним схожу.

– Не бросай меня здесь!

Девчонка цеплялась за мой рукав, будто это был канат над пропастью. Не хватало, чтобы она с перепугу опрокинула еще что-нибудь!

– Все будет хорошо, я быстро!

И чего так орать? Будто на бойне ее оставила!

Расположение предметов в отделе я изучила как свои пять пальцев, так что сейчас, чувствуя себя Снегурочкой над костром, перепрыгнула через лавовую лужу, увернулась от новых сгустков и пробежала за столами и расставленными повсюду клетками. Животные, углядев меня, в отчаянии бросались на стенки. Я машинально подсчитала количество седативных препаратов, которое придется скормить им после такого стресса, и возжелала собственноручно придушить Хоку, пока та не натворила что-нибудь еще.

Когда я с выпученными глазами вылетела из отсека, проходящий мимо Кай отшатнулся.

– Что у вас там стряслось? – крикнул он вдогонку.

Из-за дверей моей вотчины доносились звуки, могущие заткнуть за пояс целую стаю кантикумских мокриц. Особенно старалась Хока: ее голос выделялся среди клекота и скула, как акулий плавник в бушующем море воплей.

– Все под контролем! – на бегу соврала я. – Не ходи туда!

Кай отдернул руку от двери, будто та вдруг стала ядовитой, и поспешил обратиться подобру-поздорову. Прочие любопытствующие, до этого сонно косившиеся на мой отдел, начали закладывать широкую дугу, а то и вовсе перешли на другую сторону балкона.

Репутация на корабле у меня та еще. После того, как в порту Флиберии мы сдали кучку свежепойманных пиратов властям, Леотимир созвал общий сбор на мостовой палубе и добрых полчаса во всеуслышание меня расхваливал. Я чуть не провалилась сквозь пол, когда капитан в красках расписывал мои выдающиеся знания (ха-ха с тремя кисточками), отвагу (скорее, везение) и недюжинный ум (тут я скромно не спорила, потому что Рим все это время щипал меня, чтобы прекратила перебивать). Все это было бы здорово, если бы Лео на самом деле так считал, а не попросту насмеялся, что было ясно даже дураку.

Не знаю, что еще он наплел экипажу, но у того сложилось обо мне странное мнение. Ведь просто хотела оградить Кая от потрясения, а он шарахнулся от двери, будто боялся выпустить чуму!

Спортзал располагался рядом со столовой и, наравне с ней, был в ведомстве Аглаи Ростной. Большая часть экипажа пренебрегала спортивно-оздоровительными мероприятиями. Риск нарваться на грозную веганианку и быть припаханным к чудовищному комплексу упражнений под ее неподкупным руководством был слишком велик. Аглая перемещалась между столовой и спортзалом как призрак, будто просачиваясь сквозь стены. Подозреваю, что где-то в глубине стен был скрытый проход. На «Фибрре» много технических закутков и коридорчиков, незаметных на первый взгляд.

Раньше Рим не стремился к здоровому образу жизни, так что в правдивости Синта я сомневалась. Однако флибериец действительно обнаружился там, и не один.

В зале царили тропические зной и духота, с которыми даже кондиционер не справлялся. Все тренажеры были сдвинуты к стенам, а на образовавшемся в центре пространстве шел поединок.

По пояс обнаженный Леотимир приковал мое внимание так, что я забыла зачем, собственно, пришла. Раскаленный экзоскелет сиял, как солнце, глаза горели дьявольскими углями, а кожа светилась изнутри, будто по венам тек жидкий огонь. В руке он держал длинный узкий клинок, слепящий глаза не хуже Ингард-Шейры, которым размахивал с виртуозным

изяществом. Рим (находившийся, к слову, в той же степени раздетости и прогретости) терялся на фоне брата, как одинокая искра в костре.

Мне редко доводилось наблюдать флиберийцев в таком виде. Экзоскелет надежно сдерживал температуру, давая другим расам возможность находиться рядом без риска заполучить множественные ожоги. Но схватка Т'ахару, а это была именно она, предполагала использование раскаленного оружия, и здесь предосторожности были ни к чему. Это пугающее, агрессивное, но удивительно красивое зрелище завораживало.

Говорят, можно бесконечно смотреть на три вещи: воду, огонь и то, как другие делают твою работу. Так вот, сюда можно смело вписать еще один пункт: отвести взгляд от вошедшего в раж Леотимира было решительно невозможно.

Противники на секунду замерли, оценивая друг друга, а потом Лео провел стремительную серию ударов, оттесняя брата к стене. Я с неожиданной гордостью отметила, что отбивается Рим вполне уверенно: будь на его месте я, уже с визгом бросила бы меч и сбежала под защиту трибун.

Снова остановка – полсекунды, не больше, – и молниеносная атака, но на этот раз Рим пригнулся, на волосок разминувшись с режущей кромкой, и подло напал со спины. Лео развернулся, небрежно отбил выпад и, крутанувшись, сделал подсечку клинком. Рим подпрыгнул, пропустив меч в считанных сантиметрах, и бой закипел по-новой.

Сознание выхватывало какие-то разрозненные картинки: вот Лео в красивом замахе наносит рубящий удар; Рим неожиданно делает сальто назад, умудрившись не потерять при этом оружие, – я и не знала, что он так умеет! Лео прогибается, пропуская меч над собой, легко скидывает клинок, и слепяще-белые искры летят ему прямо в лицо, не причиняя неудобств.

Рим отскочил, уворачиваясь от раскаленной стали, и наконец заметил меня.

– Ты что тут...

Лео по-простому подставил ногу, и в следующую секунду Рим с размаху хлопнулся на спину, раскинув руки в стороны. Клинок зазвенел по полу, мгновенно остывая, – я едва успела отпрыгнуть с его пути. Черная флиберийская сталь разочарованно сверкнула, так и не отведав кровушки.

Леотимир улыбнулся и подмигнул мне. Сияние под кожей потускнело и быстро сошло на нет.

– Вот тебе урок, братец: не отвлекайся на хорошеньких девушек, пока противник еще на ногах. Привет, Саша!

– Привет, – с задержкой откликнулась я, все еще под впечатлением.

Тяжело дышащий Рим лежал на спине в той же позе, не делая попыток встать. Он тоже остыл, и только тлеющие экзоскелеты, созданные линатианами и не умевшие так же быстро охлаждаться, еще напоминали о горящем внутри каждого флиберийца пламени.

– Чего тебе, Саша? – простонал Рим вместо приветствия, с трудом восстанавливая дыхание. Лео уже отдышался и теперь стоял над поверженным братом, оперевшись на свой клинок.

– Да так...

Говорить о новой неудаче Хоки при капитане не хотелось.

– Ладно, на сегодня все, – понятиливо кивнул Лео, быстренько оделся и прошел мимо меня на выход, обдав волной жара.

Я подошла к Риму и нависла над ним, пытаюсь понять, в состоянии ли он оказать посильную помощь в устранении последствий Хокиной неуклюжести.

– Так вот куда ты по утрам пропадаешь!

– А ты за мной следишь? – Рим приподнялся на локтях. Грудь у него ходила ходуном, будто раз за разом ловила выпрыгивающее сердце.

Играть в детектива я не планировала, но коль уж лучший друг имеет обыкновение периодически бесследно исчезать, всегда приятно выяснить куда именно.

– А ты от меня, что ли, прячешься?

Протянутую руку он отверг, отдышался и поднялся без моей помощи.

– Не могу же я подвергать опасности твою психику, – развел руками Рим и видя, что шутка не понята, пояснил: – Ты всякий раз при моем братце ловишь приступ столбняка.

Он с хохотом увернулся от заслуженной оплеухи и, слегка пошатываясь, отправился к трибунам, где были в кучу свалены вещи. Под футболкой обнаружился Кип, в темноте ушедший в спящий режим и потому не принимавший вызовы. Я вспомнила, что и так потеряла много времени и всполошилась: пока я тут наслаждалась невиданным зрелищем, Хока со звёрами уже, должно быть, свихнулись от ужаса!

– Ой, у меня там такое! Спасай! Позарез нужна твоя антипригарная шкурка.

Рим от неожиданности запутался в футболке, а когда я схватила его за подол и поволокла на выход, отчаянно затрепыхался в ней и просунул голову в рукав.

– Стой, куда?! Дай хоть в душ сходить, я же весь – ай! – мокрый!

– Нет времени! – отрезала я, выпихивая его на балкон.

Прохожие невежливо на нас уставились. Рим смутился и попытался выпутаться из футболки, но я подтолкнула его в спину и, не дав опомниться, погнала в свой отдел.

Едва открыв дверь, мы ощутили всю прелесть конца света. Хокины рыдания из-под стола звучали главным паникующим аккордом. Животные, сходящие с ума от творящегося вокруг кошмара, вторили ей разноголосым хором. Лужи на полу растекались в стороны, как кровь невинно убиенных дев, а проклятый обогреватель, отчаявшись отопить такое большое помещение, поливал все вокруг с воистину артериальным энтузиазмом. Трех сантиград он достичь не сумел, но температура уверенно приближалась к двум, а то и с половиной. Эдак он весь запас компонентов впустую израсходует, и где их потом добыть?!

Рим присвистнул и кинулся к генератору. Сами бы мы точно не прошли: тот лежал в огромной луже, был весь заляпан раскаленной массой и выскальзывал из рук. «Лава» брызгала во все стороны, так что, когда флибериец наконец нашарил переключатель и отключил адскую машину, он был по уши в ней изгваздан.

– Говорил же, это плохая затея, – укорил он меня, отряхиваясь.

– Если бы не некоторые... – завела было я, но Хока, опередив меня, с радостным визгом выскочила из-под стола и бросилась к Риму с намерением повиснуть на шее избавителя.

Рим отшатнулся и, поскользнувшись на луже, свернул клетку фламиотерикса. Та опрокинулась на бок, выплеснув содержимое огненным цунами, обдавшем флиберийца и отогнавшим импульсивную Хоку.

Фламиотерикс с торжествующим писком проехался на гребне волны, лег в лужу и в экстазе зашевелил лапками, будто рисуя ангела на снегу.

Хоть кто-то счастлив!

За устранение беспредела взялись втроем. Рим, конечно, для виду побухтел, но припахать себя к общественным работам позволил, отлично понимая, что без него я тут не справлюсь. Да и кто подсобит, кроме лучшего друга? Не Хока же – та больше мешала. Неустанно вознося хвалу флиберийской огнепрочности, девица чисто для прикрытия размазывала уже подстывшую «лаву» по полу, тихонько подкрадываясь к спасителю. Рим так же незаметно отодвигался, пока не уперся в угол. Поняв, что капкан вот-вот захлопнется, друг умоляюще глянул на меня поверх Хокиной головы, и скорби в этом взгляде хватило бы на небольшую планету.

– Кажется, ты забыл меч в спортзале.

– Точно! Пойду заберу! – попытался неправильно понять он.

– Стоять! – Еще чего не хватало, сейчас смоемся и ищи его потом по всему кораблю! – Хока принесет.

Девчонка, до этого с открытым ртом пилившаяся на своего кумира, отмерла и подпрыгнула от восторга.

– Флиберийский клинок?! Серьезно?! Конечно, сейчас, я мигом! – и выскочила за дверь, с завидной ловкостью лавируя между лужами. И куда эта прыть девается, когда речь идет о чем-то более обыденном? А еще под столом рыдала!

– Надо было подальше услать, – буркнул Рим, снова сгибаясь над ведром.

– Она будет час им любоваться и еще два – пытаться фехтовать.

Рим обеспокоенно выпрямился.

– Голову хоть не оттяпает? Он вообще-то острый.

– Нельзя оттяпать то, чего нет!

Можно было поручить мытье пола роботу-стюарду, но лучше съесть на завтрак прометейского слизня, чем пустить сюда кого-то еще более неуклюжего, чем Хока. К тому же, гусеницы робота мигом увязнут в «лаве», и мне придется объяснять Аглае, откуда она тут взялась в таком убийственном количестве.

– Рим, расскажи что-нибудь, а то меня тянет убивать.

– Что рассказать-то? Сама уже все знаешь.

Рим углядел что-то в клетке фламиотерикса, запустил туда руку и с изумлением вытащил сваренную заживо книжку устава.

– У тебя вечером высадка, – наобум предложила я тему. – Гронатея, да?

– Ага. Странная планетка.

– Чем это она странная?

Сводку по Гронатее я уже прочла. Планету открыли еще в прошлом поколении, но данных о ней было собрано до обидного мало. Кислородная, в диаметре чуть больше трехсот тысяч километров, густо заросшая флорой и населенная многочисленной фауной, среди которой даже была условно-разумная цивилизация на племенном этапе развития.

– Мы уже туда летали, – пояснил Рим. – Аборигены выставили нас спустя полчаса после посадки шаттла.

– Выставили?

– Угу. Сунули мне в руки какую-то фигню и приказали долго жить.

– Погоди-погоди, – запуталась я. – Они что, вас прогнали?! Им же шаттл должен казаться сверхъестественным чудом, а вы – богами, сошедшими с небес!

– Гронатейцы не из тех, кто удивляется или пугается. Их планету посещали много раз, она даже включена в учебники по отсталым расам. Контакты у них тоже были, но обычно дело заканчивалось чашей мира, раскуренной с вождем племени, а в тот раз...

Рим всегда рассказывал так, что впору заслушаться. В нем пропадал великий журналист, не оцененный цензурой за использование экспрессивных словечек. Но я была благодарным слушателем и вскоре, под шуточки и прибауточки, выяснила следующее.

Группа высадки во главе с Римом посетила Гронатею незадолго до моего появления на корабле. На планете фиксировались подозрительные возмущения: предвестники ураганов и других природных катаклизмов. Рим рассудил, что с открытой местности будет легче сбежать, и шаттл сел на каменистой пустоши. Однако, не успели пришельцы осмотреться, как заметили спешащих к ним аборигенов. Племя быстро перебирало щупальцами и потрясало бородами, имевшимися в наличии даже у слабого, но не сказать, чтобы очень прекрасного пола. Впереди всех мчался вождь, так сурово размахивающий посохом, что Рим струхнул и скомандовал сворачиваться. Но перелететь в более спокойное место ребятам не дали.

Лихорадочно мигая выпученными глазами, аборигены окружили пришельцев и принялись активно трещать и жестикулировать. Всегалактического они, само собой, не знали, так что контакт состоялся на уровне немого языка в исполнении безрукого сурдопереводчика. Рим с горем пополам уяснил: гронатейцы хотят, чтобы гости с небес увезли с собой какую-то штуку и передали ее кому-то очень старому, древнейшему. Видимо, имелся в виду космос.

Твиникийцы беспомощно переглядывались, подавая начальнику знаки, что пора и честь знать, пока плотоядные аборигены не решили пообедать непонятливыми визитерами.

Вождь сунул растерявшемуся от такого напора Риму замурзанную тряпицу, в которую было завернуто что-то твердое, и навязчиво оттеснил флиберийца к трапу.

Ошеломленная группа высадки безропотно взлетела, провожаемая ликующими выкриками. Пока Рим высматривал другое место для посадки, орбитальный зонд словил какой-то глюк. Приборы забарахлили, вынудив пришельцев вернуться на материнский корабль.

Рим планировал попытаться счастья на следующий день, но «Фибрру» неожиданно перенаправили на Землю. Миковским ученым срочно понадобились данные о хвойных растениях, а это была ближайшая планета, на которой те произрастали в достаточном количестве. Гронатейский талисман Рим бросил на полку, сочтя хаос своей каюты достаточно древним для этой цели.

– Как он хоть выглядел?

Рим честно задумался, перебирая в памяти сувениры, которые перепали ему с разных планет.

– Такая ма-а-аленькая штуковина. – Он раздвинул пальцы на величину грецкого ореха. – Не то камень, не то стекляшка какая-то.

– И зачем они его отдали?

– Понятия не имею. Может, решили отправить в небо частицу собственной планеты. Или это что-то вроде жертвоприношения. Шаттл на нее не среагировал, значит, нам она не угрожает.

Мне в голову закралась мыслишка, которая вряд ли пришлась бы Риму по душе. Но если подступать постепенно...

– А планета опасная? – как бы между прочим уточнила я, выпрямляясь и потирая поясницу.

– Не-а. Крупных хищников нет, условия для этого типа планет выше средних. Иногда дождь и ветер. Сбои эти разве что, но это больше для приборов проблемы.

– А бескислородные ямы?
– Откуда им взяться? – озадачился Рим. – Это же не Бран!
– То есть теоретически эту планету может посещать кто угодно... – продолжила я развивать тему, но поторопилась. Рим тут же меня просек и выпрямился.

– Даже не мечтай!

– Почему?!

– Мне прошлого раза хватило! – Рим угрожающе наставил на меня палец. Тот был черный от копоти и вполне мог утраивать, если бы к нему не приклеился клочок розовой шерсти, который Рим принялся с ожесточением отдиравать.

– Ну, Римчик, миленький! Я бы немножко погуляла, камешков для клеток собрала... Ты же вечно жалуешься, что тебе такой ерундой заниматься некогда!

– Ничего, найду время, – зловеще пообещал Рим. – Привезу тебе самый огромный булыжник, будешь год на куски распиливать!

Вот упертый, а! Один раз всего проштрафилась! И ладно бы это запрещено было, так нет же! Наши ученые время от времени присоединялись к группе высадки, если нужно было отыскать что-то узкоспециальное или провести заумный тест. Даже Финика однажды к каким-то развалинам возили! От меня же Рим упорно отмахивался, припоминая Бран, и требовал просто назвать нужное. Мол, сам прекрасно найдет, на то он и глава группы высадки. Я мстительно составляла целые списки, но ситуация не менялась. В конце концов Рим приноровился «забывать» о нуждах зверинца за исключением тех, что требовала текущая миссия.

– А не шепнуть ли Хоке, – задумчиво протянула я, – что ты мечтаешь научить ее Т'ахару?..

Рим споткнулся о ведро и недоверчиво на меня уставился.

– Блефуешь!

– Спорим?

Выходить в коридор и ждать там раскаявшегося упряма не потребовалось. Рим загородил дверь, переместившись не иначе, как посредством телепортации.

– Саша, ты шантажируешь лучшего друга и играешь с чувствами бедной девочки! – патетично провозгласил он и с надеждой добавил: – Тебе не стыдно?

– Ни капельки. Ты же возишь ученых! Чем я хуже?

– Ученых я беру только в том случае, если для выполнения задания необходимы их знания. А наломать зверям веток можно и без твоего чуткого руководства!

– Предпочитаешь Хокино?

– Ну ты и... – Рим подавился негодованием и сдался: – Ладно, хорошо! Один раз! Но чтоб я больше не слышал про Хоку, ясно?

Все-таки есть плюсы в этой девице!

Твиникийцы обрадовались мне, как давно потерянной кошельку. Сидящий за штурвалом Эник добродушно усмеялся. Выведать, каким образом твиникийцы вернули его к жизни, мне так и не удалось, но выглядел он здоровым и полным сил, а от смертельного ранения не осталось даже шрама. Жаль, то же самое нельзя проделать с Венимором. Увы, твиникийская медицина с другими расами несовместима.

– Пристегнись, – буркнул Рим.

И чего дуется? Сам виноват, что уговорить его на что-то можно только грязным шантажом. Я уже не бестолковая девчонка, а вполне себе ответственный член экипажа. Да на мне целый отдел держится! Так что Рим волнуется совершенно зря.

Шаттл мерно загудел, запуская двигатели. П-образная опора пришла в движение, спускаясь в своеобразный «подвал» ангара. Там уже горели оранжевые проблесковые огни: в герме-

тичном отсеке создавалось безвоздушное пространство для выхода в открытый космос. Эник сосредоточенно двигал какие-то рычажки и отслеживал целый свиток текста в инфокне. Я попыталась прочитать, но текст оказался таким канцелярским, что понимание заблудилось в дремучем лесу терминов.

Через несколько секунд цвет проблескового маячка сменился на синий, и мы нырнули в открывшийся шлюз. Гронатея тут же заполнила лобовое стекло бело-фиолетовой сферой. Правый иллюминатор засиял, как в погожий денек, и сообразительная система шаттла «опустила шторы» с моей стороны: окно потемнело почти до полной непрозрачности. Лучи Ицеи, домашней звезды Гронатеи, не могли причинить вреда шаттлу, но смотреть на них радостно распахнутыми глазами не рекомендовалось.

Гронатея находилась от своей звезды примерно на том же расстоянии, что и Земля; кроме того, Ицея была желтым карликом, как наше Солнце. Планета принадлежала к той самой Зоне Обитаемости, которую упорно изучали мои коллеги. Земные ученые убеждены, что возникновение жизни возможно лишь на планетах, похожих на нашу. Жизнь об этом не знает и поэтому существует везде, где ей хочется. Справедливость этого утверждения с блеском подтверждалась целым отделом доказательств в вакуумных клетках.

– Куда садиться будем? – подал голос Эник.

Рим задумчиво изучал снимки поверхности и так завис, что вопрос пришлось повторить.

– Давай сюда. – Флибериец скинул выбранные координаты.

– Точно? Тут даже карта не полная, смотри.

– Заодно разберемся, почему зонд пропускает это место.

Твиникийцы переглянулись и синхронно пожали плечами, но спорить с начальством посчитали вредным для карьеры занятием. Шаттл вошел в атмосферу, на долю секунды полыхнув огнем, но абляционная⁷ защита сработала так быстро, что я едва успела это заметить. Иллюминаторы снова стали прозрачными, давая насладиться чарующими видами нового мира.

Гронатейская растительность и почва оказались снежно-белыми, с такой высоты создавая впечатление суровой зимы, хотя приборы показывали уверенную плюсовую, если не сказать тропическую температуру у поверхности. Водоемы, словно в противовес, мрачно темнели сумрачными, глубоко фиолетовыми пятнами. Гронатея была гармоничным ансамблем дня и ночи, света и тени, цвета и белизны.

Заходя на посадку, шаттл пролетел над пиками местных гор, значительно превосходящих земные высотой. В иллюминатор застенчиво стукнулась пара снежинок, мгновенно растаявших на стекле. Я мечтательно вздохнула и покосилась на Рима, но тот восторга не разделял и смотрел в иллюминатор с таким скучающим видом, словно там был не удивительный новый мир, а занудный отчет. Его бы в земной НИИ на недельку – мигом бы научился ценить красоту своей работы!

Шаттл мягко сел на полянке в центре снежного леса. Деревья на Гронатее были двукроновые, похожие на голубей из сахарной ваты. Так и хотелось сорвать мягкое пуховое «крылышко» и съесть, запивая горячим чаем. Арктические краски навевали мысли о чем-то зимне-уютном, с причитающимися в таких случаях клетчатым пледом и имбирными пряниками. Только наряженной елочки не хватало.

Когда стихло ворчание двигателя, я отстегнулась, но помедлила, отслеживая реакцию Рима. А ну как заставит сидеть на корабле?

Но друг поймал мой взгляд и фыркнул:

– Да иди, иди, хоть под присмотром будешь.

– Ура!

– Эй! – Эник поймал меня за воротник уже на трапе. – Нас подожди!

⁷ Абляционная защита – механизм снижения перегрева фюзеляжа при атмосферном трении.

– Да пусть бы шла! – засмеялся вслед Кип. – Потеряется, заблудится – все меньше мороки.

– Это как-нибудь без меня, пожалуйста, – буркнул Синт.

Рим бессовестно заулыбался, и я решила, что новые открытия хороши в меру. Мы спустились по трапу, и парни тут же взялись за работу. Эник и Беник вытащили какие-то приборы, самостоятельно развернувшиеся из крохотных коробочек в широченные экраны с плавно поворачивающейся тарелкой-локатором, и принялись сосредоточенно водить ими по сторонам. Рим достал неизменный планшет и упоенно в нем застрочил, время от времени поднимая голову и оглядывая окружающий пейзаж, будто рисовал картину словами.

Я уже знала, чем они занимаются: первичный сбор данных о месте посадки и внесение их в картотеку, чтобы исключить высадки в одной и той же местности. Планет во Вселенной великое множество, и МИК старается не повторяться.

Отвлекать парней от самого ответственного этапа высадки было бесполезно: они уже однажды проглядели меня за этим делом. Ничего, тут и без них нескучно. Присев на корточки, я погладила слегка примятую при посадке траву. Гронатейская растительность была мягкой, как кошачий животик.

Осмелев, я рискнула самовольно дойти до ближайшего кустика, напоминающего кособокого снеговичка. Рим не стал меня останавливать, только крикнул вдогонку, чтобы не отходила далеко, и продолжил печатать. Я в напутствиях не нуждалась, отлично помня бранийскую историю, но махнула в знак того, что услышала.

Воздух отдавал пряными травами, полынью и какими-то диковинными цветами, что вносило в мысли сумятицу. Мозг пытался сопоставить «зимний» пейзаж с ароматами жаркого лета, а снежно-белые покровы – с мягким шуршанием цветущего луга. Подхваченные ветерком пушинки – то ли семена, то ли такие листья – реяли в воздухе, создавая иллюзию легкого снегопада. Пуховая трава под ногами пружинила, как мох; хотелось лечь, как на теплый ковер, и просто валяться, глядя на незнакомые звезды. Еще бы костерок... Впрочем, Рим с успехом его заменит. Только вот пожарить на себе шашлык позволит вряд ли...

Куст оказался пористой губкой и на вид, и на ощупь. Я внимательно осмотрела его со всех сторон, жалея, что рядом нет Мелиссы Вербской в качестве гида по растительности. Без нее интерес к удивительной флоре быстро иссяк, а идти дальше, к деревьям-лебедам, было страшновато. Какая-то муха села мне на нос, заинтригованно трепеща ажурными крылышками. Скопив глаза, я рассматривала ее несколько секунд и уже собиралась поймать, когда разглядела весьма красноречивое жало. Желание познакомиться поближе тут же пропало.

Спугнув общительное насекомое, я повернула было обратно, но тут заметила на пористой поверхности куста цепочку следов от крохотных лапок, которой – готова поклясться – не было минуту назад.

Я подкралась и выглянула с другой стороны. Никаких животных на кусте не оказалось, зато цепочка следов удлинилась вдвое. Почувствовал меня и перебежал на другую сторону? Я обежала куст и снова увидела только следы. Неведомая зверюшка явно стеснялась, не желая показываться на глаза. Ничего, и не таких брали!

Потопав ногами, будто ухожу, я резко выпрыгнула с другой стороны. Нет, оно издевается! Отпечатки маленьких лапок обернулись спиралью вокруг куста. Часть из них уже таяла, губка выпрямлялась на глазах. Может, зверек мимикрирует под окружающую среду?

Я прихлопнула куст рукой, но никого не поймала. Внимательно ощупывая каждый сантиметр инопланетной флоры, двинулась по кругу и, совершив полный оборот, уткнулась в новый виток следов. Да что за чертовщина?!

Поразмыслив, я перепрыгнула куст и приземлилась с другой стороны с грацией слона, который решил полетать на ушах. Никого не обнаружив, решила взять застенчивую тварь измо-

ром и принялась бегать вокруг, с каждым витком убеждаясь в появлении новой цепочки следов, пока не уткнулась в неслышно подошедшего Рима.

– Ты чего это?.. – Он очертил пальцем окружность. В глазах читалось желание повторить жест у виска.

– Ничего, – буркнула я, уставившись на куст с таким негодованием, что Рим предпочел больше вопросов не задавать и, осторожно взяв меня под локоток, потянул к шаттлу.

С обратной стороны злополучной флоры донесся торжествующий писк, и кто-то мелкий и шустрый, мелькнув фиолетовым мехом, шастнул в сторону леса, мгновенно затерявшись в траве. Я чуть шею не свернула, пытаясь уследить за вертким комком шерсти.

– Вы что, уже все?

Твиникийцы сидели на ступеньках, умиротворенно щурясь в лучах заходящей Ицеи.

– Зонд опять глючит, – развел руками Эник. – Показал какой-то вихрь и связь прервал. Навигация без него шалит, идти в лес нельзя.

– Вихрь? – Я задрала голову к девственно-чистому небу.

– «Фибрра» тоже ничего не видит, так что это явный сбой. Скорее всего, зонд еще с прошлого раза барахлит. Капитан обещал отправить в МИК заявку на удаленную перезагрузку, но на это время нужно. А у нас тут стемнеет скоро и данные нужны дневные.

– Так мы сворачиваемся?

– Еще чего! – Риму бьющий прямо в глаза свет совершенно не мешал. Рожденному под слепящей Ингард-Шейрой солнцезащитные очки ни к чему. – Улететь ни с чем второй раз – это уже слишком! Переночуем здесь, а завтра продолжим исследования.

Твиникийцы безразлично кивнули, но моей паники хватило на троих.

– Зачем оставаться на планете, если можно вернуться на «Фибрру»?

– На то же место не встанем, – помотал головой Эник. – Придется заново данные собирать, много возни.

– Да и неохота мотаться туда-сюда из-за такой ерунды, – отмахнулся Рим. – Не бойся, включим энергополе – ни один комар к нам не залетит.

– Повезло, что на Земле вы его не включали. А спать где?

– В креслах.

– Ты можешь в шкафу вздремнуть, – припомнил Кип мой первый полет, и парни дружно расхохотались.

Кошмарный маньяк с вибропилой пытался отрезать мне руку.

Именно такой была моя первая мысль. Вторая сумела пробиться в мозг уже после того, как я подорвалась с кресла, где с колоссальным трудом уснула пару часов назад. Причину столь эффективного пробуждения удалось вычислить далеко не сразу.

Синт усиленно притворялся спящим, что его и выдало. Иначе уже ворчал бы, что расстрясла.

– Да я тебя на запчасти разберу! – зарычала я, срывая гадкое устройство с руки. Вибрация, включенная им на полную мощность для побудки, до сих пор фантомно ощущалась на запястье, заставляя волоски вставать дыбом.

- Агрессивное поведение – признак деградации, – невозмутимо заметил Синт.
- А он дело говорит, – согласно зевнул Кип.
- Гр-р-р...
- Саша, я тебе сейчас рот заклею! – возмутился Рим. – Ты будешь спать сегодня или нет?!
- Да закрой уже и успокойся! – гаркнуло с двух сторон сразу. – Достали, оба!

Рим ненадолго привстал, полыхая в темноте глазами. Это жутковатое явление было побочным эффектом ношения экзоскелета. Внутренние органы флиберийцев раскалялись из-за принудительного понижения температуры поверхностных тканей и создавали своеобразное свечение изнутри, которое терялось при ярком освещении, но было заметно в темноте.

Как же я завидовала способности мгновенно отключаться в любых условиях! Уснуть на шаттле было решительно невозможно. Голокресло не было предназначено для эксплуатации в качестве уютной постели – пришлось вертеться добрых полчаса, чтобы принять хоть сколько-нибудь удобную позу. Подлокотники упорно впивались то в один бок, то в другой, не понимая, чего от них хотят: человек на сидении, что-то попадает в радиус действия силового поля, значит, нужно это что-то поддержать! В конце концов я закинула ноги на стену и кое-как смирилась с обстоятельствами. Обстоятельства решили, что я крепкий орешек, и сменили тактику на более изощренную.

Захрапели твиникийцы. Нет, не просто захрапели – грянули, слаженным двухголосым хором. Как профессиональный оркестр, управляемым бездарным дирижером. Последнего хотелось прикопать под гронатейскими скалами, дабы его душа не сумела выбраться из каменного плена. Я снова завертелась, теперь пытаюсь закрыть одновременно оба уха и уже всерьез подумывая перебраться в шкаф.

Потом какая-то тварь, которая явно не раз падала безмозглой башкой вниз, угнездилась на крыше шаттла прямо надо мной и принялась распевать там частушки неотцензуренного содержания. Я тщетно помахала на нее руками, но зеркальный плексиглас не дал ей увидеть недовольство аудитории, так что она вопила, пока не разбудила Рима. Флибериец включил забытое с вечера энергополе, подбросившее горлопанку в воздух, как из пращи. Певица наконец отчалила, хрипло матеря неблагодарную публику, но твиникийцы остались и продолжили самозабвенно храпеть, мстя за уход главной солистки.

По-моему, я в итоге не уснула, а лишилась сознания. Мне и так нелегко далась перестройка на тридцатичасовые сутки, сбивать режим снова не хотелось категорически. И после всего этого ада меня нагло будит собственный коммуникатор!

Хуже всего было то, что адреналин вымыл остатки сна. Заснуть наперегонки с твиникийцами можно и не пытаться. Я грустно зевнула, огляделась и поняла, что на шаттле как-то подозрительно светло. Оказывается, над Гронатеей взошла луна. Вернее, луны: два светила неправильной формы сияли в аккурат над нашей крышей.

– Рим?

– М-м...

Очень информативно.

– Слушай, там такая красота! Звезды, спутники, ночное небо! Пойдем посмотрим?

– Ага, звезды ночью – это ведь такая редкость, – без энтузиазма откликнулся Рим. – Саша, ты видишь их в иллюминаторе каждый день! Вернемся на корабль – и хоть обсмотришься, а сейчас имей совесть!

– Как можно спать в таких условиях?!

– Ты про свое нытье? Тяжело, но мы стараемся.

– Если бы ты согласился выйти, я бы не ныла!

– Так выйди, я тут при чем?

– Ты что, отпустишь меня одну?! Ночью, на чужой планете! Кто ты и что сделал с моим другом?

– Индекс безопасности Гронатеи – почти десятка. Твоя Земля, между прочим, даже до шести не дотягивает! Просто держи шаттл в зоне видимости.

Вот как объяснить человеку, что на звезды гораздо интереснее любоваться в компании?

– Рим, ну пожалуйста, я ведь редко тебя о чем-то прошу!

– Предпочитаешь сразу шантажировать.

– Потому что ты упрям, как протовагрус!

– А ты неугомнее блохи!

– Эй, зверье! – зашипел разбуженный Эник. – Почему бы вам снаружи не поспорить?

– Это все она! – попытался отмазаться Рим, но на него сердито зашипели.

– Ты все равно уже не спишь.

– Да ты бы мертвого растолкала!

Он так стремительно встал, что я обзавидовалась. У меня от резких движений кружилась голова, а ему хоть бы хны! Хорошее здоровье у флиберийцев, еще бы психику им поустойчивее...

Рим хмуρο потер глаз и сдался:

– Пошли!

Ночь укрыла Гронатею пурпурным покрывалом, как мантией венценосной королевы. Дневная тишь сменилась разноголосым пением и шорохом где-то в глубине леса, а запах цветущего вереска – томным и тяжелым ароматом меда. Разноперые птицы кружили над куполом энергополя, бесшумно вспархивая будто из-под земли. Крылатые деревья призраками окружали поляну, как величественные стражи этого странного мира. Звезды таинственно мерцали в вышине, группируясь в непривычные созвездия – такие знакомые, но в то же время совершенно другие.

– Ты знаешь названия этих звезд? – шепнула я.

Ночная Гронатея оказывала умиротворяющее воздействие, и лишний шум казался кошунством.

Рим лениво повернул ко мне голову. Мы лежали прямо на траве, напоминающей пуховую подстилку. Прогретая за день почва все еще хранила тепло.

– Только галактик. Звезд слишком много, чтобы все запомнить.

– Галактик тоже немало.

– Можно сориентироваться. Определяешь сектор, вспоминаешь крупнейшие галактики в нем и от них отталкиваешься.

– Этому учат в твоей Академии?

Рим кивнул и снова закрыл глаза. Спать ему хотелось однозначно больше, чем смотреть на небо.

– Как можно не любить звезды? Это же так красиво! – риторически спросила я, незаметно придвигаясь к нему поближе. Мерное тепло, которое излучал флибериец, манило к себе болотным огоньком. Ночной воздух не был холодным, но мне все равно хотелось уюта.

– В мире много красивых вещей, – сонно ответил Рим. Против землянки под боком он ничего не имел или просто смирился с моей возней, как с неизбежным злом.

– Рим, ну не спи! – Я похлопала его по плечу, снова вырывая из дремы. – Расскажи что-нибудь.

– Ты хотела посмотреть на звезды, вот и смотри! Или без звукового сопровождения неинтересно?

– Мне без *тебя* неинтересно! – вырвалось у меня.

Губы парня самопроизвольно растянулись в улыбке. Стрела попала в цель, задев струны флиберийского тщеславия, так что пришлось замолкнуть на полуслове, чтобы не спугнуть случайную удачу.

– На Флиберии бывают звездные ночи? – на пробу поинтересовалась я, наконец заполучив внимание собеседника.

В космопричале нам было не до красоты небес, а стоящая в зените Ингард-Шейра не оставляла надежды увидеть тени, не то что звезды. Мы и закат-то посмотрели исключительно в память о Вениморе, после чего сразу же вернулись на корабль.

– Редко. – Рим слегка изменил позу, лишив возможности греться, зато теперь смотрел прямо на меня.

– Ингард-Шейра?

– Города. Думаешь, у нас не бывает ночей?

– Не уверена.

Огненная Флиберия до сих пор казалась мне неприятным местом. Густонаселенная, фантастически урбанистическая планета, слишком светлая и жаркая, она сварочной искрой полыхала где-то там, в бесконечной дали космоса, и я была рада, что еще нескоро туда вернусь.

– Не понравилось?

– Что там может нравиться? Жара и свет!

– Звезды, по сути, тоже жара и свет, но их ты любишь.

Я как-то не задумывалась об этом раньше, поэтому озадаченно притихла. И правда, чего это я? Валяюсь на траве с урожденным флиберийцем и разглагольствую о том, как плохо живется у него дома!

– Прости. Некрасиво вышло.

– Ерунда, – безразлично отмахнулся Рим. – Мне Земля тоже не нравится. У вас там слишком много холода. Даже снег кое-где идет.

– Это ты еще град не видел. Я однажды угодила под град размером с орех. Вот такие ледяные булыжники!

– Жуть какая!

– Да нет, вообще-то весело было. Я тогда еще маленькая была, мы с друзьями всем двором прятались под навесом, а потом пошли собирать ледышки и швыряться ими, как снежками.

– Варвары, – отчетливо шепнул Синт.

– А ты вообще молчи! – обозлилась я. – А то отвезу на Землю и зарю в... айсберг! Будешь дрейфовать в океане, с рыбами в остроумии соревноваться!

Рим понимающе фыркнул. Ему тоже приходилось туго по-первости: характер Кипа был немногим лучше. Коммуникатор искренне считал, что это не Рим нашел его на Техалии, а наоборот, и кто там кого спас – непонятно. Потом стерпелись, притерлись и даже подружились, но что-то подсказывало, что в моем случае этот номер не пройдет.

Над головой мелькнула падающая звезда. Загадать желание я не успела и стала ждать следующей. Интересно, что бы попросил у звезд флибериец?

– Рим, у тебя когда День рождения?

Парень непонимающе нахмурился.

– Что?

– Ну, родился ты когда? Какого числа?

– Странный вопрос. Спроси Леотимира, может, он вспомнит. Хотя бы сезон...

– Ты не знаешь?! Это же праздник, разве на Флиберии его нет?

Рим сел, так неподдельно удивившись, что ответ мне уже не понадобился.

– День рождения – это день, когда ты появился на свет, – торопливо объяснила я. – На Земле это праздник, твой собственный, твоих родителей и всех, кто тебя знает и любит. Собираются вместе, едят вкусности, дарят подарки или делают что-то необычное, чего всегда хотелось. Ты ведь знаешь, сколько тебе лет, от чего ты ведешь отсчет?

– В день совершеннолетия мы проходим тест, который определяет биологический возраст в среднегалактических годах.

– А как вычислить, что пора делать этот тест, если не знаешь, когда родился?

– На седьмое лето после выцветания волос.

Я почувствовала, что начинаю тонуть в информации и тоже села.

– Что за «выцветание»?

– Видела детишек в космопричале? Тех, что бегали на нижних этажах, куда швартуются флиберийские корабли?

– Знаешь, мне было не до разглядывания детей. – Я пораскинула мозгами, вспоминая. – Ну да, рыженькие такие солнышки.

– Вот именно, рыжие. – Рим наставительно поднял палец. – Волосы постепенно выгорают, как только станут белыми – ты вырос. Подростков отдают в учебные заведения, а через семь лет – совершеннолетие.

– Не проще ли считать от какого-то определенного дня?

– Флиберия – первая из восьми сверхразвитых планет. Мы принадлежим не только себе, но и всему космосу, поэтому все наши расчеты привязаны к межгалактической системе исчис-

лений. Это эффективнее, чем опираться на собственный календарь, а потом приводить значения к стандарту.

Я от нечего делать подсчитала. Сутки тут длиннее, в году их больше – по земному летоисчислению Рим был бы старше меня лет на десять. И проживет он намного дольше, даже с экзоскелетом. Должно быть, срок жизни землян кажется флиберийцам крошечным отрезком времени...

Мы помолчали, рассматривая верхушки деревьев, освещенные таинственным светом гронатейских спутников.

– Почему земляне празднуют День рождения?

– Сама уже не понимаю.

Удивительная штука – время! В начале жизни кажется, что его так много, и еще столько всего можно успеть... Но дни бегут, с каждым годом все быстрее и быстрее, а мы не успеваем даже толком вырасти.

Кип неожиданно проснулся и отвлек меня от самокопания, тревожно замерцав голубым.
– Айримир, на приборах что-то странное!
– Очередной невидимый вихрь?
– Нет. Это уже не зонд, а шатл. Не могу понять...
– Пойду посмотрю. – Рим поднялся, отряхнул траву с комбинезона и пошел к шаттлу, обернувшись на полпути: – Идешь?

– Ничего, если поваляюсь пока? – Я лениво перекатилась на нагретое флиберийцем место. – Там же ничего опасного?

– На Гронатее нет ничего, что могло бы причинить нам вред, – самоуверенно отмахнулся Рим.

Когда он ушел, я снова перевернулась на спину. Как все-таки прекрасны звезды! В любом мире и на любой планете, они всегда разные, но вместе с тем неизменные. Непрístupные, раскаленные, они были свидетелями рассвета флиберийской цивилизации и видели рождение Земли.

Но в конечном итоге время погасит и этот свет.

Едва заметное мерцание энергополя внезапно исчезло, но меня так и не позвали. Значит, все-таки сбой. Шаттл – не зонд, перезагрузить его систему – минутное дело, и это зачастую самое простое решение проблем.

Без энергополя звуки вокруг стали громче, разборчивее, незнакомые запахи защекотали ноздри. Я лениво гадала, что за чудо сводит с ума наши приборы. Магнитная буря? Как-то сомнительно. Ветер? Тем более! Сейсмическую активность даже Синт с Кипом уловили бы, а тут космический шаттл! Наверное, дело действительно в поломке зонда. МИК оставила его здесь еще до «Фибрры», за эти годы многое могло произойти.

Мои размышления прервал знакомый писк.

Подскочив, я успела заметить слабо фосфоресцирующую спинку какого-то существа, размером с половину ладошки. Инопланетный хомяк шустро юркнул в заросли и целенаправленно куда-то почесал, оставляя за собой гребень из приподнятых травинок. Я бросилась за ним, но в нерешительности замерла у невидимой границы отключенного энергополя.

Отходить от шаттла было страшновато. Но привитая профессией любознательность так и вопила: «Догони его!». Оставленный зверьком след манил за собой.

Рим со мной не пойдет и остальных не пустит. Причем из чистого упрямства – сам же твердил, что планета безопасная. Без меня они не улетят, а если срочно понадобится, найдут через Синта. Просто не буду уходить слишком далеко, чтобы суметь быстро вернуться. Максимум, что мне грозит – очередная ссора, к которым я за полгода привыкла крепче, чем к собственной зубной щетке. Рим погорит и остынет, зато у меня будет отличный образец гронатейской фауны. Или хотя бы интересная история.

Хомяк веселой пулькой выскочил из-под травяной маскировки, вспрыгнул на ближайший куст и принялся деловито там возиться, поставив жирную точку в моих рассуждениях. В конце концов, это моя работа, а такое нахальное животное просто обязано даваться в руки! Я нащупала в кармане горсть витаминок, которые с огромным удовольствием трескали все мои звери, и шагнула в инопланетную ночь.

Зверек бодро перебирал лапками, с умопомрачительной скоростью перебегая от одного куста к другому. Отследить его траекторию удавалось с трудом. Надежду незаметно подкрасться к нему и накрыть платком я уже отменяла: в гронатейском лесу меня не слышали разве что пни.

Погоня получилась недолгой – через пару минут мне пришлось остановиться на передышку. Хомяк тоже замер, будто назло усевшись на самом видном месте. Объединенный свет гронатейских лун отражался от белоснежной растительности, разгоняя сумрачную темноту и позволяя в деталях рассмотреть зверька. На упитанной темно-сиреневой тушке выделялись светлые пятнышки, напоминавшие глаза какого-то крупного зверя. Для Гронатеи удачный способ защиты: увидев такие очи, хищники должны мигом забыть о голоде и сбежать, поджав хвосты.

Хомяк насмешливо пискнул. «Ну что, ты отдохнула, наконец? Продолжим наш увлекательный марафон?». Мне оставалось только скрипеть зубами.

Шаттл скрылся за деревьями, но мы бежали практически по прямой, так что найти обратный путь не составит труда. Но как не хочется возвращаться с пустыми руками! Гронатейская высадка носила чисто исследовательский характер, и ребята не собирались ловить здесь новый вид. Но о местной фауне известно мало, было бы интересно привезти на борт ее представителя. С согласия главы группы высадки на «Фибру» можно ввозить кого и что угодно, если это не противоречит безопасности. А Рима можно подкупить красочным рассказом о том, как непросто было поймать эту погань. Поворчит для вида, но возражать не станет.

Догнать хомяка шансов не было – это стоило признать. А вот подманить можно попытаться.

– У-ти мой маленький, у-ти хороший, хочешь вкусную витаминку? – Я выудила из горсти одну капсулу и метко бросила прямо к лапкам неувливаемого создания.

Хомяк отскочил, но на мордочке появилось умиленно-озадаченное выражение. Настороженно приблизившись к инопланетному деликатесу, зверек обнюхал кушанье и счел его годным к употреблению. Со злорадством повнимав довольному хрусту, я подкинула ему еще, на этот раз поближе к себе.

Хомяк уставился на меня с выражением «Ты что, за дурака меня держишь?». Ничего-о, в моей работе главное – терпение, так что молча бросаю другую капсулу, на половине пути ко второй...

На сей раз животное не стало кочевряжиться, соблаговолило подойти и схрумкать подачку, облизалось и выжидающе посмотрело на меня.

– Ну давай, иди сюда...

Следующие пять минут мы соревновались друг с другом в хитрости. Хомяк вел по всем фронтам, упрямо не пересекая незримую черту, с которой до него можно было бы дотянуться. С каждым новым кусочком, исчезающим в прожорливой пасти, я все отчетливее понимала, что нахальный зверь обводит меня вокруг пальца. Практически отчаявшись, я запустила в него целой щепотью, но хомяк неслышимо собрал только те, что упали достаточно далеко.

– Да ну тебя! – зло сплюнула я и отвернулась, чтобы уйти.

За спиной отчетливо прощуршали маленькие лапки. Неужели?..

Зверек хрустнул раз, другой и пристроился в каком-то метре от меня, удовлетворенно намывая мордочку. Стараясь не делать резких движений, я опустилась на корточки и протянула руку. Хомяк пискнул и медленно пошел в мою сторону...

Закон подлости гласит: если какая-то пакость может случиться, она обязательно произойдет. Добавлю к этому еще одну особенность: неприятности, оправдывая свою суть, наступают в самый неудачный момент времени, вклиниваясь в твой мир так, чтобы доставить максимальные неудобства.

В ночной тишине Гронатеи звук горна, раздавшийся совсем рядом, ударил по перепонкам, как соседский перфоратор воскресным утром. Мы с хомяком одинаково подскочили, но если я всего лишь испуганно заозиралась, то пережравшая инопланетных харчей тварюшка сочла себя легкой добычей и опрометью бросилась в темноту, мгновенно скрывшись за кустами.

Я тоже решила не задерживаться. Вряд ли здешним крохотным зверькам хватит легких, чтобы издать такую трель. Может, это сигналит наш корабль? Не похоже. Но что?

Ответ на сей вопрос стал понятен уже через десяток шагов, когда на пути показались огни зажженных факелов. Я резко затормозила и вскочила на ближайшую ветку, с перепугу с легкостью взлетев наверх.

Гронатейцы!

Коренное население Гронатеи производило двоякое впечатление. Ростом они не вышли – все примерно мне по шею, зато массивные тела с короткими ручками-щупальцами значительно превосходили меня в весе. Ног у гронатейцев не было, их роль выполняли гибкие отростки, как у осьминога, только без присосок. Все это венчала абсолютно круглая башка, обильно заросшая спутанной шевелюрой и такой же бородой. Их кожа в сиянии лун казалась белой, а в купе с темными, почти черными ногами-щупальцами, создавала иллюзию двух разных существ: полупрозрачного на фоне снежной растительности верха и бросавшегося в глаза осьминогоподобного низа.

Группу из десятка гронатейцев возглавлял самый крупный. Он размахивал посохом, на конце которого что-то светилось, то ли освещая путь, то ли выполняющая роль знамени. Сразу за ним двое инопланетян тащили здоровенную штуквину, опознать в которой горн удалось лишь после очередной «музыкальной паузы». Остальные гронатейцы вразнобой бренчали бусами и потрясали внушительными копьями.

Основная проблема заключалась в том, что все это великолепие двигалось в мою сторону.

Обхватив ветку руками и ногами, как урожденный ленивец, я лихорадочно соображала. Все не так уж страшно: гронатейцы – условно-разумная раса, а не чудища, одержимые голодом. Опасения внушали только копья, но я здраво рассудила, что маленькому племени без них никуда. Может, они просто на охоту вышли. Если Рим с его закидонами умудрился с ними договориться, то я-то уж точно смогу!

Тем не менее, к близкому знакомству инопланетяне не располагали. Когда они подошли вплотную, стали видны мелкие зубы-иголки и подозрительные выступы на нижних щупальцах, напоминающие ядовитые жальца.

«Фибрра» – гуманоадаптированное судно. За вычетом Ванни и Манни, все члены экипажа более-менее похожи на людей, и системы корабля рассчитаны именно на это. Чтобы взаимодействовать с панелями управления, дверями и шахтами флиберийского линкора, нужны как минимум руки с пальцами и теплая кровь. Даже мои мозги с астробиологическим уклоном не воспринимали коллег, как объект исследований: ну, подумаешь, экзоскелет, пигментные

пятна на лбу или трети веки! Все равно ведь люди, просто чуть другие. Вздумай я их изучать, ребята удивились бы не меньше, чем пациент зубного врача, которого вдруг приспичило осмотреть проктологу.

Конечно, бывают корабли, созданные другими расами и адаптированные под иное строение тела, вплоть до самых причудливых. Но до сих пор подобные существа попадались мне редко, в основном в космопричалах. Раньше это казалось обидным – угораздило же из всего разнообразия космоса попасть на корабль людей! – но сейчас стало понятно, как мне на самом деле повезло. Если бы по палубам «Фибрры» ползали такие вот осьминожки, я схлопотала бы сердечный приступ еще в первый день на корабле.

Гронатеицы остановились прямо под моим деревом. Что, других мало?! Целый лес вокруг! Надеюсь, мой темно-синий комбинезон хотя бы сливается с небом, а не демаскирует меня на белом фоне.

Предводитель воткнул светящийся посох в почву на манер флагаштока и принялся что-то вещать. Вдохновенно шелкая и взрыкивая, он моментально заслужил внимание всей честной компании, включая меня. Гронатеицы почтительно внимали речи вождя, а я рассматривала оратора и размышляла, как он умудряется издавать подобные звуки явно непредназначенной для этого пастью.

Вождь что-то особенно экзальтированно прощелкал и воздел щупальца вверх. Все разом. Мельтешащий клубок темных конечностей до ужаса напоминал змей.

Да-а, не позвать ли мне Рима? Лучше в очередной раз выслушать от друга едкие замечания по поводу моей разумности, чем объясняться с дикарями на языке жестов. Только надо как-то предупредить Синта, чтобы не вздумал во всю глотку подтвердить приказ, с него станется.

Пока я размышляла, как незаметно установить связь, внизу стало подозрительно тихо. Гронатеицы плавно покачивали щупальцами, как плывущими по воде волосами, и хранили торжественную тишину. Я бесшумно выругалась и замерла, боясь лишней раз шевельнуться и выдать себя хрустом веток. Как назло, что-то ерзало по ноге, щекоча покрытую мурашками кожу даже сквозь ткань комбинезона. Терпеть становилось все труднее. Да что за напасть?!

Не сдержавшись, я дрыгнула ногой. Ветка тренькнула, и несколько листочков, похожих на белые перышки, осыпались главному гронатеицу на макушку.

Внизу торжественно защелкали, толпа дикарей разразилась восторженным треском, от которого заложило уши. Мою ногу ощутимо прихватили мелкие, как наждачка, зубки. Пользуясь поднятым внизу шумом, я обернулась на покусившееся на честь моей лодыжки создание и увидела давешнего хомяка.

Завладев вниманием щедрой дарительницы витаминок, тварь разразилась громким писком, забавно подпрыгивая на месте и размахивая крошечными лапками. Хомяк был не прочь продолжить прерванный банкет.

– П-шел вон отсюда! – злобно прошипела благодетельница и попыталась его отпихнуть.

Куда там! Оскорбленный зверек отскочил, уворачиваясь от ботинка, и храбро атаковал мою ногу. Прокусить кожу он не мог при всем желании, но так щипался, что мне хотелось взвыть и добровольно спрыгнуть вниз, подальше от рассвирепевшего грызуна.

Хомяк распушил подшерсток, став похожим на темно-лиловый теннисный мяч, и, поразмыслив, юркнул в штанину, как в родную нору. Плотная посадка форменного комбинезона не давала ему пролезть выше колена, но мелкий зверек и без того чувствовал себя чересчур вольготно. Щекочась мехом, нахальная тварь ловко уворачивалась от ладоней, не давая себя прижать, а на каждую попытку отвечала очередным укусом, похожим на разряд тока. Я шумно завозилась, понимая, что выдаю себя, но не в силах терпеть такого издевательства. Дерево затряслось, перья-листья посыпались с него январской метелью.

Кое-как выудив вредителя из-под одежды, я обреченно глянула вниз и наткнулась на ошарашенные морды представителей гронатейского разума. Дикари обалдело пялились на нас, переводя взгляд с моего лица на зажатого в кулаке и возмущенно раздувающего щеки хомяка. Тот не оставлял попыток вывернуть короткую шею и вцепиться зубами в пленившего его астробиолога.

Я приветливо помахала свободной рукой.

Ветка дрогнула и прогнулась. Инстинктивно выпустив зверька, я вцепилась в проседающую опору, обламывая ногти до самых корней. Получивший волю хомяк бросился вверх по стволу с прытью белки, а ветка, оглушительно хрустнув где-то в глубине, обломилась и сверзилась вниз прямо к ногам прыснувших в стороны гронатейцев. Я рухнула на нее сверху, попав спиной на какой-то сучок, и, по ощущениям, ободрала кожу до кости.

Гронатейцы настороженно приблизились и вопросительно защелкали.

– Э-э... привет?.. – робко пропищала я. – Мир... дружба... Г-гости с небес...

Мы друга друга не поняли. Осьминожки слаженно рыкнули и оцетинились копыями, как большой игольчатый ежик. Я слотнула и отвела иззубренное лезвие от собственного горла, чем окончательно перечеркнула изначально не шибко дружественные намерения дикарей. В следующую секунду гронатейцы намертво оплели меня руками-щупальцами и куда-то потащили, как опутанное веревками порося. Лишенная возможности не то что кричать – нормально дышать, я тоскливо посмотрела наверх и увидела темную тушку хомяка. Поза у него была исключительно злорадная.

Похоже, что-то сложное в работе контактера все же было.

Привязанные к дереву руки нещадно горели в суставах. Я извивалась ужом, надеясь выпутать хотя бы пальцы, и материла собственные глупость и любопытство, приведшие к столь плачевному результату. Правда, не вслух: впечатленные моим контактерским порывом, дикари намертво запечатали мне рот. Склизкая тряпка ерзала по губам, но соскальзывать не планировала, схваченная на затылке поистине морским узлом. Последний тоже доставлял неудобств, впиваясь в голову.

Нагретый за день воздух вкусно пах баней и вениками. Поселение гронатейцев представляло собой скопление овальных нор с насыпями из почвы и растений, издали похожих на сугробы. Возле каждой горел небольшой костерок, чадящий столбяным дыбом. Зеленоватое пламя едва тлело под сложенными домиком дровишками, не давая ни тепла, ни света, и служило, скорее, ориентиром, как путеводная звезда на севере. Поэтому, специально для дорогой гостыи, прямо в центре обширной поляны гронатейцы заложили новый костер, ярко полыхавший под здоровенным вертелом на опорах.

Не спеша радоваться оказанной мне чести, я раненой змеей извивалась в веревках, пытаюсь ослабить их хват. Гронатейцы не обращали на меня внимания: связали на совесть, не пожалев материала и сил. Отбиться от них еще на стадии прикручивания к дереву не вышло, и теперь хотелось выть от отчаяния. Мне бы только дотянуться до Синта! Во что бы то ни стало нужно подать сигнал Риму, но с задранными руками и кляпом во рту это была непростая задачка.

Выдохшись и тяжело дыша сквозь мерзкую тряпку, я обреченно навалилась на дерево и тут же с шипением отпрянула. Содранная при падении спина отозвалась острой болью. Ну почему, почему я вечно вляпываюсь в такие переделки?!

Синт поблескивал на запястье немим укором. А ведь сама виновата, что за полгода не сумела найти к нему подход! Ну и пусть вредный – подружился же Рим со своим коммуникатором, и тот ни за что не стал бы вот так осуждающе молчать в трудную минуту, делая вид, что не понимает, как сейчас нужен! Если выживу, обязательно извинюсь!

Синт продолжал спать, игнорируя мысленные воззвания и мычание сквозь кляп. После невыносимого свербежа, который бывает перед затеканием конечностей, руки совсем онемели. Я попробовала дотянуться ногами, но позорно сдалась уже через минуту. Поднять опутанные веревками ступни на такую высоту можно было только свернувшись затейливой баранкой, но тут уж воспротивилась израненная спина.

Кто бы мог подумать, что я закончу жизнь обедом дикарей, неподалеку от флиберийского шатгла – оплота цивилизации! «Фибрра» каждый день проходит через межпространство и бороздит бескрайний космос на таких скоростях, когда даже малейшая встречная помеха может обернуться невыносимой катастрофой, а тут...

Один из гронатейцев снял с огня какой-то котелок и целенаправленно заскользил ко мне. Я напряглась, готовясь отбиваться до последнего вдоха. Предпочтительно – его!

Приблизившись, инопланетянин угрожающе щелкнул шеей (оказывается, звук шел из пластинок под ушами) и сунул котелок мне под нос. Если бы не кляп, с наслаждением бы туда плюнула!

Над посудиною поднимался пар – такой густой, что казалось, можно пощупать. Я непроизвольно вдохнула и расчихалась, оплевывая тряпку еще больше. Гронатеец воодушевился и принялся ловить мое лицо щупальцами, игнорируя протестующее мычание. Вывернуться из цепких отростков оказалось не так-то просто. Задержав дыхание, я уставилась на мучителя взглядом, от которого окаменела бы горгона.

Гронатеец каменеть и не подумал, однако, что-то сердито протрещав, наконец оставил меня в покое и удалился к собратьям, бросив котелок чадить неподалеку. Отпихнуть его не получилось, и пришлось волей-неволей дышать травяным паром, от которого уже через минуту закружилась голова. Запах был странный, напоминающий о кабинете врача и внушающий инстинктивную неприязнь.

Стараясь вдыхать как можно реже, я тоскливо посмотрела на костер и поняла, что в глазах как-то подозрительно двоится. По телу разбежалось неприятное одервенение, сердце колотилось. Неужели отравили? Но какой в этом смысл? Они ведь все равно собирались изжарить меня на вертеле!

Зато гронатейское снадобье притупило боль в спине. Хоть какой-то плюс. Наверное, меня опоили, чтоб не верещала на костре, а спокойно подрумянивалась. Что ж, по крайней мере, будет не так больно.

Мне не раз доводилось шипеть и ругаться, дую на обожженные пальцы, пока излишне темпераментный Рим виновато топтался рядом, попеременно то принося извинения, то ворча о землянах, которые вечно тянут руки, когда не следует. Он так трогательно переживал из-за этих случайностей, что злиться получалось максимум полчаса – пока регенерационная мазь, предусмотрительно украденная из медблока и носимая в кармане, заживляла кожу.

Тем не менее, даже легкие ожоги болезненны, а тут целый костер! Может, надыхаться как следует и вообще отключиться? Все лучше, чем гореть живьем...

Флиберийца бы на мое место! Представляю рожи дикарей, когда запланированный ужин с наслаждением потянется над костром и попросит добавить жару! А с Рима станется возмутиться недостаточно ярким пламенем и добавить своего. Желательно, поджарив заодно кого-нибудь из гронатейских лидеров.

Жаль, что мы с ним не простились. За полгода, проведенных на корабле, он стал мне настоящим другом, единственным за всю сознательную жизнь. На Земле мне вечно не хватало времени на тесное общение, а про общие интересы и вовсе молчу. Обидно, что не успела ему этого сказать.

Пар одурманивал сознание, в мозгах царил сумбур. Мысли метались, то ускользая, то наскакивая друг на друга, переключались от грусти к непонятной эйфории. Уныние накаты-

вало попеременно с радостью и ощущением вседозволенности. Чего же они туда намешали? Эдак до синих белочек надышаться можно!

Кто-то зажал мне рот и тут же отпустил с удивленно-отвращенным возгласом. Я осоловело моргнула, не успев этого толком осознать.

– Фу, что за мерзость? – брезгливо шепнули за спиной.

«А вот и белочка», – обреченно подумала я. Не мог же Рим найти меня в инопланетном лесу, не имея при этом ни координат, ни точных данных!

Веревки над моей головой вспыхнули и мгновенно истлели, наверняка опалив кожу. Но руки так онемели, что я ровным счетом ничего не почувствовала и окончательно уверилась в галлюционной природе спасителя. Наверное, снадобье незаметно вырубил меня, подарив блаженный сон вместо нервного ожидания страшной участи.

– Чего расселась? – прошипела «белочка» и ловко метнула пучок зажженной травы в переплетение веревок на ногах. – Вставай и бежим, пока никто не увидел! Не бойся, ругаться не буду, только слегка убью...

Я подчинилась, решив не бороться с таким хорошим сном. Интересно, куда поведет меня предсмертный глюк? Наверное, в конце будет длинный светящийся туннель, через который призрак друга проводит меня на тот свет.

Потусторонний Рим выглядел на редкость материально: ни тебе крылышек, ни нимба. Безобразие! Мог бы хоть во сне причесаться и обзавестись приличествующим духу свечением!

– Ты почаще кляп носи, тебе идет, – ехидно ухмыльнулся Рим. – Послушная такая и тихая...

Рука, схватившая меня за предплечье, была привычно горячей и сильной, и до моего одурманенного мозга наконец дошло, что это не сон.

– Рмммфмф! – Я кинулась ему на шею, вернее, на спину, потому что Рим уже тащил меня в лес, удаляясь от лагеря гронатейцев.

– И не надейся, что я тебя потащу! – Он махнул руками, скидывая меня, обернулся и тут же завелся: – Неужели трудно хоть раз посидеть на месте?! Кто позволил тебе лезть к абorigенам? У тебя вообще есть моз...

Рим осекся на полуслове, потому что, повинувшись безотчетному порыву, я шагнула вперед и крепко его обняла. Рим вздрогнул и замер, растерявшись, как воробей, которому вместо хлебных корочек кинули целиковый арбуз.

– Ты самый лучший друг! – всхлипнула я и стиснула его изо всех сил, чтобы больше не потерялся.

Рим неловко погладил меня по макушке.

– Это все очень мило, – сварливо прокомментировал Кип, – но может, мы сперва свалим подальше, и вы помилуетесь как-нибудь потом?! У меня и так тут...

Он замолчал, даже не договорив, видимо, от возмущения. Я отпустила Рима, шмыгнула носом и покачнулась. Ноги, будто ватные, так и норовили сложиться пополам, и меня штормило, словно в одиночку выдула бутылку текилы. В ушах пульсировала кровь, в глазах двоилось, и подкатывала тошнота. Рим осторожно меня придержал.

– Ты чего это? Испугалась?

– Эти гады меня какой-то дрянью надышали! – с надрывом пожаловалась я, пытаюсь сфокусировать отчаянно расползающиеся глаза. Язык заплетался, будто леший водил его по кругу.

Со стороны лагеря донесся рык гронатейца, обнаружившего, что сытный ужин смылся прямо из-под... ну, что там у них вместо носа.

– Так, ладно, потом разберемся! – протараторил Рим, сгреб меня в охапку и закинул к себе на плечо. Я взвизгнула и захохотала, как веселая пьяная баба, которую сердитый муж уносит с корпоратива.

Неплохо было бы, если б Рим дотащил меня до самого шаттла (после всего пережитого топтать самостоятельно совсем не хотелось), но он притормозил уже через несколько минут, сбросил меня на землю и озадаченно осмотрелся.

– Кип, уточни координаты шаттла.

– Н... мг... сбй... сстмы...

– Что?..

Рим постучал пальцем по коммуникатору, но тот мигнул красным и вообще отключился.

– Разрядился?! Не понял... Синт, координаты!

Гаджет на моей руке оживать и не подумал. Присущая ему вредность явно была ни при чем: он не отреагировал даже на аварийную перезагрузку системы.

– Что такое? – С третьей попытки мне все же удалось утвердиться на ногах и кое-как отряхнуться. Рим промолчал, продолжая озирается по сторонам. – Мы что, заблб... забалб... забулбилились?

– Нет, – голосу флиберийца не хватало уверенности, – не могли, я же точно помню, что шаттл был здесь!

– Чего стоим тогда?

– Впереди горы. Их раньше не было.

Лес действительно поредел, а над верхушками деревьев маячили белые, как бумажный лист, скалы, подпирающие ночные небеса.

– Синт... Си-и-инт... – Я потрясла рукой и подняла ее вверх в надежде, что устройство просто потеряло сигнал. – Не дуйся, маленький мой, ну пж-лст!

Рим бегло осмотрел коммуникатор.

– Бесполезно, он тоже разряжен. Ничего не понимаю! У них же непрерывный заряд от любой нашей техники! Даже если шаттл вообще пропал, они не могли так быстро вырубиться, тут ведь и работы-то толком не было!

– И ч-че делать?

– Искать шаттл. – Вопреки этому ободряющему замечанию, Рим уселся у дерева и вытянул ноги. – Правда, ума не приложу, как.

– А по звезд-м? – Задирать голову вверх оказалось плохой идеей: верхушки деревьев будто водили издевательский хоровод. Сразу почувствовав дурноту, я натужно сглотнула, села рядом и уточнила: – Они ж очнутся, пр-вд?

– Да что им сделается? – Рим устало закрыл глаза. – Зарядим и включатся. Только когда это будет?

Сейчас, вдалеке от лагеря людоедов, в компании Рима, я чувствовала себя в безопасности, и все проблемы казались сущей мелочью. Видимо, сказывалось действие гранатейского отвара: чувство тошноты отступило, сменившись ощущением полета где-то глубоко внутри, и казалось, что мне все по плечу.

– Без нас не ул-тят, не парь-с! – Я легкомысленно хлопнула Рима по колену.

Конечность отозвалась металлическим звоном экзоскелета, а Рим поморщился и дрыгнул ногой.

– Чем, говоришь, тебя надышали?

– Котелок какой-то под нос сунули, ер-нда...

Почему-то теперь это казалось веселым приключением, а не едва пережитым ужасом.

– Та-а-к... – мрачно протянул Рим и в упор уставился на меня. – Густой пар и пахнет лекарствами? Поздравляю, ты понравилась вождю, это гранатейская «Чаша мира». Пару раз вдыхаешь, потом чихаешь и сморкаешься на травку, пока эта дрянь не впиталась. Кто больше подходов сделает, тому и почет. – Рим обреченно вздохнул. – Долго дышала?

Я пожала плечами – в тот момент мне было не до измерения времени, какая разница? Одуманный разум зацепился за другое:

– Как это пнр... п-нравилась? Ниче-се ритуал ухаж-ванья – опоить и сожрать!

– Гранатейцы не едят людей, Саша.

– Ты ж сказал, они хищные!

– Да, но питаются только местными животными. Сама посуди: ты бы стала есть что-то инопланетное и наверняка небезопасное?

– Г-вришь, как Аглая. – Я смущенно почесала нос, потому что совсем недавно на спор с твиникийцами слопала привезенную на борт ботву крианского гориплода – не ядовитого, но горького настолько, что еще два часа полоскала рот, пытаюсь избавиться от стойкого привкуса. – Но они меня связали!

– Правильно, ты же наверняка вырывалась? Ну вот. Гранатейцы пытались удержать тебя, чтобы ты до конца оценила их благодать.

– Пойду их расц-люю! Тоже мне, блг... блг-детели! Я уже с жизнью простилась! Думала, будешь ты ржать над такой смертью, или все же пыж... пажу... тьфу! Пож-леешь меня, бедненькую... А как ты меня нашел?

– Синт скинул координаты.

– Синт?! – Все-таки помог! Бескорыстная моя умница! – А я даже не могу ему спасибо ск-зать!

– Поблагодаришь, когда очнется. Впрочем, сообщение с текстом «Спаси уже эту курицу» вряд ли можно считать верхом героизма. Покусай язык, должно помочь.

Последовала пауза, во время которой я сосредоточенно разминала язык, пытаюсь справиться с последствиями гранатейского гостеприимства, а Рим молча оглядывал окрестности. В конце концов он поднялся и с сомнением оглядел ближайшее дерево.

– Не трать время, кроны перекроют весь обзор, – верно истолковала я его действия и удовлетворенно отметила, что язык наконец начал слушаться. – О, а давай заберемся на гору!

– Это еще зачем?

– Посмотрим сверху и сразу увидим нашу поляну.

– Там же снег!

– Не бойся, я тебя согрею, – пообещала я, вскакивая на ноги и в тот же момент ваясь обратно. – Ой...

Рим за шкирку привел меня в вертикальное положение и придержал от нового поцелуя с землей.

– Ты бы прошлась по раскаленной лаве?

– С утра ходила, – припомнила я ЧП в зверинце. – Все равно других возможностей найти корабль у нас нет. А так заберемся наверх и сразу его увидим. Или ты хочешь торчать тут, пока нас не найдут гранатейцы с новой трубкой мира и не надышат ею до зеленых лебедей?

Рим тоскливо посмотрел на горные пики, вздымающиеся над верхушками деревьев вдалеке и прямо-таки сияющих на фоне темного неба.

– Рим, при здешнем климате холодать начнет только на очень большой высоте. А мы ведь не полезем на самую вершину!

– Все равно это глупо! – заупрямился Рим. – Зачем переться в такую даль, чтобы узнать, что шаттл все время был неподалеку?

– Слушай, помажь спинку, будь другом...

Рим ошеломленно уставился на всученный ему тюбик регенерационной мази, и с еще большим изумлением – на меня, когда я повернулась к нему тылом, беззастенчиво расстегивая застежку комбинезона. Въехал он, только когда увидел причину переквалификации в беспотанного суккуба, огнем саднящую вдоль позвоночника. Горячие пальцы не добавили мне приятных ощущений, но по мере впитывания мази боль начала стихать. Видимо, все было не так страшно, как казалось поначалу: плотная ткань защитила спину, даже не прорвавшись, и я отделалась содранной сквозь нее кожей.

– Не так уж и далеко. – Я прищурилась, раздумывая, действительно ли горы на Гронатее парные, или это у меня двоится в глазах. – Километров семь, не больше.

– И зачем нам навигационные приборы? – задумчиво поддел Рим. – У нас ведь есть Саша, обладающая магической способностью определять расстояние в отсутствие ориентиров.

Тут он, конечно, был прав. Горы казались близкими, но их размеры, а стало быть, и расстояние до них по мелькающим за деревьями верхушкам рассчитать нереально.

– Да какая разница! – не смутилась я. – Лучше один раз дойти и точно все узнать, чем часами бродить по лесу в поисках шаттла. Пока будем круги нарезать, сто раз уже до той горы доберемся.

– А может, за это время коммуникаторы поймут сигнал, подзарядятся, и мы напрасно проделаем этот путь? – предположил Рим, застегивая комбинезон и возвращая мне мазь.

– Ты же весь из себя спортивный флибериец, для тебя это так, легкая прогулочка!

– Ты меня с Леотимиром не путаешь? Я, конечно, понимаю, что он занимает существенную часть твоих мыслей, но все же...

– Рим! – рявкнула я и с возмущением прослушала ехидный хохот. – Хватит придумывать отговорки, идем!

Рим поднял руки в знак капитуляции и нехотя последовал за мной.

Энтузиазма мне хватило ровно на двадцать минут.

Ругаясь сквозь зубы, Рим то и дело поднимал меня с земли, с каждым разом раздражаясь все больше. Возможное свидание с ненавистным снегом отнюдь не улучшало его настроения. Друг напоминал сердитого ежика, которого разбудили посреди зимней спячки и вместо теплого гнездышка сунули в ледяную прорубь. Руки у него становились все горячее и вскоре начали прижигать даже сквозь одежду.

– Все, хватит! – взвизгнула я и проворно откатилась в сторону от такой помощи. То есть, попыталась проворно, а на деле застряла на полукувырке, позорно раскорячившись кверху задом. – Сама встану!

– Да уж, вижу. – Рим хмыкнул, но отошел, наслаждаясь бесплатным акробатическим этюдом.

Я с трудом распуталась и встала на четвереньки, уставившись на него снизу-вверх.

– Давай ты остынешь, а? Мне и так плохо, не хватало еще ожоги лечить!

– Нечего было дышать тем отваром! Гронатейская степная лира раскрепощает, дает ощущение безопасности, но пагубно действует на организм.

– Это что, наркотик?

Отряхиваться я не стала: все равно скоро снова падать. Действие пара то ослаблялось, то накатывало с новой силой. Мысли перестали путаться, зато кружилась голова и подворачивались ноги.

Рим подумал, подбирая аналогию.

– Алкоголь.

– Что-то не заметила раскрепощения, башка только кружится.

– Зато я заметил, – вздохнул Рим, уже в сотый раз посмотрел наверх и снова сник.

– Хватит кукситься. Я все бока уже отбила, но не жалуюсь!

Рим скептически изогнул бровь, но комментировать не стал и пошел дальше, время от времени оборачиваясь. Лес не способствовал быстрому передвижению, а, напротив, активно ему мешал. Под ноги то и дело попадались незаметные глазу кочки, невидимые на белом фоне упавшие ветки и на редкость зловредные камни, которые, казалось, могли бегать и радостно бросались наперерез. Рим бодро шагал впереди, будто не замечая неудобств пересеченной

местности, я же ловила каждый проклятый бугор. Лес однозначно ополчился против меня, делая все, чтобы набить мне как можно больше шишек.

Высматривать препятствия было бесполезно: окружающая среда сливалась в единое белое покрывало и становилось еще хуже. Давала о себе знать еще не успевшая зажить спина, почти не замечаемая из-за постоянных падений. В очередной раз споткнувшись, я плюнула и принялась старательно отвлекаться.

Лебединые кроны деревьев укрывали нас роскошными крыльями. Двойная луна опустилась к самым верхушкам – туда, где виднелись белоснежные гребни гор. Пуховая подстилка под ногами будто жила собственной жизнью: из нее выплывали сумрачно светящиеся огоньки – то ли пыльца, то ли крохотные насекомые. Пахло песком и прелыми листьями.

Красота инопланетной природы внушала благоговейный трепет, щемящее чувство величия жизни... и наскучила мне за пару минут. Одна белизна вокруг, ничего нового! В приложение ко всем бедам, меня одолела икота. Сдерживаясь изо всех сил, я перевела взгляд на Рима, но разглядывать его спину было еще скучнее, а белые волосы сливались с окружающим миром до полного растворения в оном. Выцветают они, видишь ли! Будто без того не ясно, вырос человек или нет...

А потом мысли вильнули в неожиданную сторону. Вопрос вылез на язык, как пьяный турист на мостик у бассейна.

– Послушай, Рим, – выговорила я, искренне радуясь, что мне, в отличие от прочих членов экипажа, не приходится звать флиберийца полным именем. – У тебя когда-нибудь было... ну, с инопланетянкой?..

Рим споткнулся.

– А что... – ик! – такого? Ты ведь контактер, сам говорил, что можешь поддержать любую тему!

– Не то чтобы это было твоим делом, – небрежно бросил Рим, даже не обернувшись.

– Мне интересно. Или тебе – ик! – стыдно?

– Почему мне должно быть стыдно? – Рим все-таки оглянулся и тут же придержал уже почти свалившуюся в какую-то канаву меня. Ноги у меня были ватными. – Слушай, давай ты тут посидишь, а я сбегаю вперед, посмотрю, что там?

– Эй, не вздумай меня бросить! – всполошилась я, даже на миг протрезвев. – А если что-то случится?

– Жаль, эта здравая мысль не пришла тебе в голову, когда ты просилась на высадку!

Рим устало сполз по стволу дерева рядом со мной и вытянул ноги.

– Тащить тебя на руках всю дорогу я не намерен.

Пф! Тоже мне, рыцарь, я все время шла сама!

– Ну так... было?

Рим закрыл лицо руками и глухо застонал.

– Просто скажи, да или нет! И я отстану, честное слово!

– Да! – рявкнул флибериец.

– А с кем?

Рим издал рык, достойный Леотимира в бешенстве.

– В смысле, ты же понял, что я не про флиберийку говорю? – Я уставилась на него с таким неподдельным интересом, что он сдался:

– Да понял я!

– О! – зарделась я. – О-о-о...

– Саша!

Рим возмущенно полыхнул, вынуждая отползти подальше. На что способен внутренний огонь флиберийцев, я успела оценить еще полгода назад и на собственном опыте его тестиро-

вать не собиралась. Одна искра – и гронатейская флора вспыхнет, как бумага, а добавлять к списку неприятностей лесной пожар совсем не хотелось.

Рим смутился еще больше и провел рукой по волосам, внося в царящий на голове хаос новые разрушения. К флиберийцам до сих пор относились с опаской. То, что Рим стал контактером и научился находить общий язык с другими расами, преодолевая общественное мнение «он, конечно, молодец, но близко лучше не подходить», было его личной заслугой, и он по праву гордился этим. Так что подозрения от лучшей подруги – это для него удар под дых.

Я придвинулась обратно и, дождавшись, когда жар сменится привычным убаюкивающим теплом, положила голову ему на плечо. Рим покосился на меня и скептически фыркнул, но широкая улыбка его выдала.

– По-моему, мне уже лучше. Во всяком случае, вон тех деревьев теперь два, а не восемь.

– Оно там одно. – Рим проследил за моим взглядом и поднял ладонь с растопыренной пятерней: – Сколько пальцев видишь?

– Очень смешно, – буркнула я, за рукав отводя его руку, и неожиданно заметила: – А красивая штука – экзоскелет.

– Что красивого? – Рим пошевелил пальцами, и металлические нити приятно замерцали.

– На смуглой коже неплохо смотрится.

– Сколько же ты того пара вдохнула?..

Икота снова о себе напомнила. Вот напасть! Решила было, что прошло, но где там...

– А та инопланетянка красивая была? – Гроза уже миновала, так что можно было приставать с вопросами дальше, не боясь незапланированного солярия.

– Страшная, как лед.

– Что, серьезно? – купилась я.

– Саша, я не сплю с уродинами, – хвастливо выдал Рим и тут же захлопнул рот, судя по перекосившемуся лицу, прикусив язык не только в переносном, но и в прямом смысле.

– Ага! Значит, их несколько было?

– Ты с какой целью интересуешься? – Рим чисто по-флиберийски рассудил, что лучшая защита – нападение, и попробовал поймать меня на слове: – Хочешь пополнить список?

Я не удержалась и расхохоталась, не подумав о том, что самолюбие парней одинаково во всех мирах. Рим уставился на меня с недоумением, переходящим в возмущение.

– Извини, но ожоги четвертой степени не вписываются в мое понимание романтики.

Хитрые искорки, появившиеся в его глазах, мне решительно не понравились. А горячая рука, неожиданно нежно коснувшаяся моей щеки – тем более.

– Если дело только в этом...

– Эй, ты чего? – взвизгнула я, мигом оказавшись на ногах. И тут же повисла на ближайшем дереве, борясь с тошнотой.

Рим захохотал и тоже поднялся.

– Обольстительница из тебя так себе. Идем дальше, пока совсем не развезло!

Гадкий флибериец развернулся и энергично зашагал по лесу.

Сутки на Гронатее были короче среднегалактических, так что, когда мы наконец добрались до подножия скалы, над лесом уже занимался рассвет – непривычного синеватого оттенка. Правда, я едва обратила на него внимание. Бессонная ночь и многокилометровый переход вымотали меня так, что хотелось вздремнуть прямо здесь, свернувшись в уютный калачик на ближайшем камне. Рим был возмутительно бодр и поглядывал вверх с нарастающим напряжением. Горный массив возвышался над нами, теряясь в облаках, но, судя по лицу, флибериец ощущал холод каким-то шестым чувством еще до начала восхождения.

– Зря мы все-таки это затеяли, – простонала я, присаживаясь на ближайший выступ и растирая ноги.

Рим посмотрел на меня таким взглядом, будто хотел сожрать живем.

– Да, это была моя идея! Но ты тоже хорош! Нашел, кого слушать – я же была пьяная и неадекватная!

Действие гранатейского отварчика сошло на нет еще на полпути, и теперь в голове было ясно, как в солнечный денек на Флиберии, а самой мне – столь же неудобно. Дернул же черт поднять тему! И как теперь Риму в глаза смотреть?

– Ты *всегда* неадекватная! – Рим горестно воздел очи. – Идем обратно?

– Нет уж, раз пришли, надо лезть! – Идея мне самой не нравилась, но уйти ни с чем после такого путешествия было бы еще обиднее. – Давай поднимемся вон на тот утес, – я показала направление рукой, – с него точно будет виден шаттл, и он достаточно низкий, чтобы там не было холодно для тебя.

– Надо же, какая забота! Где она была, когда ты тащила меня в такую даль?

– Мог бы просто отказаться идти, раз так не хотел! Кто из нас глава группы высадки – я или ты?

– Ты бы все равно сделала по-своему, что я, тебя не знаю? А без опеки напортила бы так, что лучше сразу согласиться!

– О, неужели? Похоже, я нашла супероружие, которое безуспешно искали все ваши колонии в период завоеваний! Немного упрямства – и флиберийцы ваши!

Рим медленно подошел и присел напротив меня на корточки. Жар, исходящий от его кожи, с легкостью перебивал тепло от местного солнца, но голос звучал нарочито спокойно.

– Во-первых, – в желтых глазах было что-то такое, отчего мне вдруг стало не по себе, – тебе повезло не застать времена, когда Флиберия была на пике агрессии. В мире мало такого, что могло бы причинить нам вред. У твоей захудалой планетки не было бы ни единого шанса. А во-вторых, не путай дружбу и повиновение – это разные вещи. Я прислушиваюсь к тебе не потому, что у меня нет выбора, а просто чтобы не обижать. Чувствуешь разницу?

– Чувствую, – прошипела я. – Острое желание столкнуть тебя в глубокий сугроб. Достал со своим величием!

Рим озадаченно заморгал. Кажется, он искренне не понял, что не так, а я не собиралась объяснять. Флиберийские закидоны хорошо известны, но такой жесткой реакции на неудачную шутку я все-таки не ожидала.

– Знаешь, что, пуп вселенной? Посиди-ка тут, я одна справлюсь.

– В каком смы... Саша, ну что ты как ребенок?! Слезай оттуда сейчас же! Навернешься – ловить не буду!

– Обойдусь!

Карабкаться по скале оказалось не так уж трудно – валунов у подножия было много, практически ступеньки. Перепрыгнув на очередной, я спустила вниз целый шквал мелкой горной породы. Внизу охнул и выругался Рим, но я не стала оборачиваться. Ничего, отскочит! Как он сказал?.. Мало что может причинить ему вред? Вот и пусть уворачивается, раз такой несокрушимый!

Высоты я не боялась, и по удобной «лесенке» могла бы лезть, пока не выдохнусь, но та быстро закончилась. Дальше скала стала слишком крутой – вскарабкаться можно, но уже опасно. Я решила, что оно того не стоит, – вид и так уже был неплохой. Верхушки деревьев покачивались в нескольких метрах подо мной, напоминая стаю гигантских альбатросов. Полянки с шаттлом было не видать, но я не спешила отчаиваться. Может, возвращаться и не придется – подадим ребятам какой-нибудь знак, и они сами за нами прилетят. Жаль, нет ракетицы или бластера.

Снизу донеслись какие-то звуки – Рим все-таки последовал за мной. Раз так, дождусь его на месте, заодно сигнальный костер разведем. Пока лезла, обида успела отступить, да и не так уж я обиделась, если честно. Больше разозлилась, а против злости лучшее оружие – тяжелая физическая нагрузка.

Усевшись прямо на валун и свесив ноги, я попыталась восстановить сбившееся дыхание. Ветер, вырвавшийся из плена каменной гряды, шаловливо растрепал мои волосы, принес с собой характерный запах скальной пыли, незнакомых трав и... жалобный стон.

Больше всего он напоминал собачий скулеж. Кругом были камни, похожие на грязный весенний лед. Мне стоило большого труда заметить, что примерно в пяти метрах над головой есть небольшая площадка, на которой, видимо, плакал какой-то зверек.

Моя выносливость и физподготовка оставляли желать лучшего, даже несмотря на принудительные тренировки с Аглаей в те дни, когда ей-таки удавалось выловить меня на корабле и насильно запихнуть в спортзал. Так что, вероятнее всего, спасательная операция окончилась бы позорным застреванием на полпути, когда и спрыгнуть уже страшно, и наверх подтянуться сил не хватает.

Но мне повезло. Горная порода в этой части скалы оказалась пористой и достаточно мягкой, чтобы крошиться от сильного удара ногой. Правда, я отбила все пальцы и стесала носок на ботинке, пока добралась до уступа, но зато достигла цели – раз, и мне не придется упрашивать Рима снять меня со скалы – два.

Уступ был гораздо шире, чем казался снизу. Едва я перевалилась через край, как от меня шарахнулся кто-то упитанный и для Гронатеи довольно крупный. Зверь спрятался в каменной расселине, наружу осталась торчать только лапа: короткая ступня с тремя гибкими пальчиками с черным коготком на каждом.

Лапа опасений не вызвала: видали мы когти и поострее. К тому же, существо не рычало, а скулило, надрывно и скорбно, как потерявший хозяина щенок.

Я отдышалась и, поднапрягшись, подтянула нижнюю часть тела на площадку. Не спеша вставать, на четвереньках двинулась к страдальцу, на ходу просчитывая варианты. Что могло приключиться? Свалился сюда сверху и поранился? Может, это детеныш, и он действительно потерялся? Или его мамаша просто отошла по делам, а я намереваюсь выковыривать животное из собственного гнезда? Но почему тогда оно так воеет?

Задумавшись, я наступила ладонью в лед и от неожиданности громко ойкнула. Это еще здесь откуда? Высоты-то всего ничего, даже понижения температуры не заметно. Впрочем, лед задерживаться и не собирался, охотно тая под лучами утреннего солнца. Быстрый осмотр выявил неподалеку еще парочку характерных лужиц. Чертовщина какая-то! Аномалия? Или это норма для Гронатеи?

Лапа застряла в проеме, потому что была сломана в районе берцовой кости и сгибалась под странным углом. Я присела рядом, думая, как вытащить напуганное животное из закуртка, а в идеале – заманить на руки. Ветеринарных медикаментов с собой не было, как и прочих необходимых в таких случаях вещей. Витаминки – и те хомяку скормила, как бы они сейчас пригодились! Я осторожно погладила судорожно подрагивающую конечность и сразу же отдернула руку, пока истошный визг звереныша не подманил каких-нибудь хищников. А то и самих гронатейцев!

Позади зашуршало, и я взвизгнула едва ли не громче, чем застрявшее животное. Рим вздрогнул, и его макушка, только что показавшаяся над краем обрыва, на мгновение скрылась из виду. Послышался звук судорожного цепляния за камни, но Рим – не я, так что удержаться ему труда не составило.

Флибериец наконец вскарабкался наверх, встал на краю и отряхнул руки.

– Вот чего ты здесь забыла, а?!

– Не подходи!

Не хватало напугать зверька еще больше. Будет дергаться и окончательно доломает лапу! Рим замер, так неподдельно обидевшись, что пришлось пояснить:

– Да не боюсь я тебя, балда! Тут какой-то зверь, он ранен, я его выманить пытаюсь.

– Зачем? Пусть бы сидел в своей норке. – Рим сразу повеселел и вопреки предупреждению все же подошел. – А у него должна быть такая кривая лапа?

Рим может сколько угодно трещать о собственном величии, но в биологических вопросах он такая же бестолочь, как я на высадках.

– Кажется, придавило камнем. Видишь, кожа содрана, будто чем-то тяжелым ударили? – Я обвела пальцем поврежденную область, стараясь не прикасаться к ней.

– Может, обвал был? – Рим наметанным глазом осмотрел местность и вдруг зажал мне рот.

Кляпа мне по уши хватило в плену у гронатейцев, так что я вцепилась в его руку с яростным желанием отодрать ее от себя, а после наkostenить паршивцу по первое число. Но Рим повернул мою голову куда-то в сторону, и сопротивляться сразу расхотелось.

Наверху, цепляясь за камни темными щупальцами и до ужаса напоминая гигантских пауков, ползли семеро гронатейцев с неизменными посохом, копьями и бусами. Хорошо хоть без горна!

Флибериец вовремя закрыл мне рот, но, к сожалению, сделать того же с застрявшим в щели зверем не мог, и тот, конечно же, немедленно разразился закладывающим уши визгом. Гронатейцы свесили круглые бошки, узрели наши бледные лица и, зарычав, заскользили вниз с прытью настоящих арахнидов.

Я постаралась отогнать яркую фантазию с новым вертелом. Ничего, в этот раз со мной профессионал, который однажды уже нашел с ними общий язык. Рим-то уж точно договорится с дикарями, и я за компанию проскочу...

– Бежим! – отважно крикнул обученный контактер и бросился к краю обрыва, увлекая меня за собой.

– Стой, куда! – заорала я, силясь вырваться из цепких пальцев. – А животное?!

– Нас сейчас на куски порвут, какое еще животное?!

– Я его не брошу!

Рим зло сплюнул, оценил расстояние до гронатейцев и попытался выдернуть зверька из расселины, но, едва коснувшись, охнул и отдернул руки. Кожа на ладонях побелела, будто ее обсыпали мелом.

– Холодный какой!

От торчащей лапы действительно тянуло холодком, чему я как-то не придавала значения до этого момента. Времени размышлять не было, как и церемониться: плотоядные гронатейцы точно не упустят беспомощную добычу, а убежать от них на сломанной ноге у зверька шансов нет. Я зажмурилась и сунула обе руки в каменную западню, нащупывая круглый бесшерстный бочок и молясь о том, чтобы зубы неведомой зверюшки не оказались слишком крупными.

Вызволненный зверь не дал себя рассмотреть, с неожиданной прытью прильнув ко мне дрожащим тельцем, да и не до того мне было. Глотку не перегрыз – и ладно! Зато руки освободились: зверек держался сам, цепляясь коготками за ткань комбинезона, а клокочущий в горле адреналин придал мне сил. Так что спустилась я гораздо быстрее, чем поднялась, оступившись только один раз и в самом конце. Но Рим уже был там и успел меня поймать.

А вот прыгать по «лесенке» неожиданно оказалось труднее, чем наверх. Может, дело было в направлении, может, в упитанном зверьке на шее, но скорее всего – в гронатейцах. Те здорово нервировали, грозно треща над нами. В этот раз они точно не намеревались предлагать нам трубку мира, зато компенсировали недостачу бонусов прицельным метанием копий. Когда третье по счету острие отскочило от камня рядом со мной, Рим неожиданно вскинул голову.

– Смотри!

Над лесом показался наш шаттл. Мы замахали руками и запрыгали (я чуть не сверзилась вниз), но группа высадки уже нас заметила.

Раздался характерный хлопок перехода на сверхзвук. Шаттл описал круг над горной вершиной и вошел в пике, попутно сбрасывая скорость и разевая шлюз.

Следующие несколько секунд показались мне вечностью. Затаив дыхание, мы ждали, пока корабль поравняется с нами, а гронатейцы, проворно перебирая щупальцами по камням, все сокращали расстояние. Я как во сне увидела распахнутый шлюз, а в нем – призывно машущего Эника. Зверек, будто почувствовав напряжение, замер и вцепился в меня. А потом мы разбежались, насколько позволял валун, и прыгнули.

Даже не помню, кричала ли я. Прыжок растянулся во времени безумным, всепоглощающим мгновением. Звуки исчезли, остались лишь тяжелые удары сжавшегося от ужаса сердца и шум крови в ушах. Восхитительное ощущение полета сменилось еканьем в желудке. Промелькнула мысль, что мы прыгнули слишком рано и сейчас разобьемся об огромные камни, или вообще улетим в пропасть. Но тут ноги коснулись твердой поверхности, и я свалилась на пол шаттла, кубарем вкатившись внутрь. Придавленный зверек возмущенно трепыхнулся и вякнул. Рядом приземлился Рим, тоже не удержавший равновесия, но хотя бы сумевший сгруппироваться.

– Сумасшедшие! – рявкнуло над головой, и я будто разом обрела слух.

В глубине шаттла ревел двигатель, твиникийцы слаженно костерили нас на все лады, а из открытого шлюза доносилось гневное рычание обломавшихся дикарей. Шаттл набрал высоту, попутно увернувшись от брошенных копий, и я выдохнула: все!

Эник по очереди подал руку мне и Риму, помогая встать, и флибериец тут же утопал к центру управления, предварительно молча вытащив у меня из кармана регмазь для заживления теперь уже собственных ладоней. Свое мнение насчет ледяного безбилетника он озвучивать не стал. Ничего, переживет! Когда Рим приволок фламиотерикса, запросто сжимая его в кулаке и размахивая бедной животинкой, как мусорным пакетом, я тоже не рассчитывала, что крохотный зверек окажется на ощупь горячей кочергой. Выхватила, стремясь остановить аттракцион «Укачай фламиотерикса до тошноты», а потом долго дула на обожженные пальцы, возмущенно слушая, как Рим сквозь смех рассказывает историю обретения нового постояльца.

Лабера по климатическим условиям схожа с нашей Венерой, верхний слой атмосферы там очень плотный, что создает парниковый эффект. Поверхность изобилует действующими вулканами и гейзерами. Для флиберийца это курорт, практически дом родной, и пока группа высадки задыхалась в скафандрах, считая часы до возвращения на материнский корабль, Рим наслаждался долгожданным теплом. Собрав нужные данные и дожидаясь, когда вялые от жары твиникийцы выполнят свою часть работы, он решил не терять времени даром и искупаться в местном источнике, больше похожем на бассейн с крутым кипятком. Но не успел проплыть и половины, как почувствовал на себе пристальный взгляд.

Рим задрал голову и к своему изумлению обнаружил на берегу добрую сотню крохотных ящерок, так нахально тарачившихся на светящийся экзоскелет, что флибериец застеснялся и вылез. Он хотел просто уйти, но зверьки неожиданно оживились и, ловко взбегая по ногам, мигом облепили визитера плотным коконом, видимо, посчитав за большого теплого свояка и не дав даже одеться, а все попытки их скинуть успешно пресекли количеством.

К шаттлу Рим вернулся в элегантном манто из фламиотериксов, чем скрасил денек измученным твиникийцам. Хохочущие парни кое-как отряхнули с начальника любвеобильных животных и упростили взять с собой хоть одного, потому что «Саша будет в восторге». Рим посмеялся, но зверька прихватил.

Сейчас парни углубились в малопонятный технический разговор, но я не стала слушать и молча прошла на кухню. Потом попрошу пересказать мне основное, а пока есть дела понаущнее.

Отцепить от себя острые коготки оказалось самым сложным. Водруженная на кухонный стол зверюшка демонстрировала впечатляющие способности к адаптации, сразу же начав оптимистично оглядывать новую среду обитания. Я хотела было привычно посюсюкать, успокаивая животину ласковыми интонациями, но слова прилипли где-то в середине глотки, образовав непроглатываемый комок.

Передо мной, нелепо оттопырив заднюю лапку и свернув опорным колечком хвост, сидел самый настоящий маленький дракон.

Все астробиологи – мечтатели по своей сути, и каждый из нас хоть раз представлял себе форму жизни с другой планеты. В моих мыслях эти существа принимали такой облик, что в пору рисовать картины в стиле раннего импрессионизма.

Тем не менее, всецело посвятив свою жизнь науке, я всегда относилась к мифам и легендам с изрядной долей скептицизма. В драконов не верила и могла бы привести целый список доказательств, оспаривающих их существование на Земле.

«Фибрра» научила меня мыслить шире. Эволюционные ветви инопланетных миров могли поставить в тупик величайшие научные умы. Себя я к таковым не относил, так что просто приняла за аксиому утверждение, что в неизмеримом многообразии Вселенной возможно все. Поэтому сейчас молча подтянула отвисшую челюсть и принялась за неотложную медицинскую помощь, попутно разглядывая «дракона».

Морда напоминала змеиную, но чешуи не было, только голая холодная кожа ровного серого цвета, с контрастными пятнами вдоль спины и над глазными впадинами. На ощупь зверек напоминал дельфина.

Наружной ушной раковины не оказалось, но существо прекрасно все слышало, с любопытством поворачиваясь к источникам звука. У зверя было аж три пары глаз: самые крупные, со сплошным черным зрачком, умильно подмигивали полупрозрачными пленочками век; вторая пара была мельче и располагалась ближе к затылку; третьи, самые маленькие, вообще были закрыты. Возможно, они обеспечивали ночное зрение, нужда в котором сейчас отсутствовала.

Лапы венчались тремя пальцами – такими удобно как хватать добычу, так и улепетывать от хищников, карабкаясь по скалам. Впрочем, судя по строению зубов, существо всеядное: мелкие клычки спереди сменялись двойным комплектом тупых моляров в глубине пасти. Увидеть премоляры не удалось, дракон сделал гадючий бросок и щелкнул челюстью в считанных миллиметрах от моей руки, протестуя против стоматологического осмотра.

На голове и вдоль хребта зверек был вооружен роговыми отростками-шипами, которые внушали бы уважение, не будь они мягкими, как ногти, а само существо – мелким.

А еще у него были крылья – хрупкие, затянутые тонюсенькой просвечивающейся кожей, они не могли бы поднять довольно упитанное тельце в воздух, даже учитывая гравитацию Гронатеи, относительно слабую по галактическим стандартам. Рудимент? Или атавизм? Будь у меня стайка подобных существ, сказала бы наверняка.

– Кто же ты такой?

– Упоминаний в базе нет, – внезапно отозвался Синт, и я подпрыгнула от неожиданности, на долю секунды решив, что со мной заговорил сам «дракон».

– Синтик, родной ты мой, очнулся! – Коммуникатор озадаченно примолк – раньше таких нежностей он не удостоивался. – Что с тобой было? Сигнал потерял, да?

– Да какое там! Эта Гронатея – настоящий кошмар! Так и знал, что добром не кончится.

– Саша, иди сюда! – позвал Эник.

Я посадила дракона на пол, чтобы он не упал со стола в мое отсутствие, и вышла из кухни, не забыв убедиться в том, что дверь закрылась. На полу в кухонном блоке нет ничего, обо что можно пораниться, так что там он будет в безопасности.

Гронатея действительно оказалась кошмаром туриста. И дело было не в пресловутых вихрях. Планета приготовила своим гостям другой, более изощренный сюрприз.

– Это как колода игральных карт. Никогда не знаешь, какое изображение окажется сверху. То же самое с планетами-калейдоскопами, – пояснил Рим, и видя, что я так и не поняла, к чему он ведет, растолковал: – Литосферные плиты Гронатеи представляют собой отдельные куски поверхности, сложенные в случайном порядке. Время от времени они тасуются, исчезая в одном месте и тут же появляясь в другом. «Карта» с нашим шаттлом переместилась, пока мы с тобой были в лесу, поэтому я и не смог его найти, хотя шел в правильном направлении. Готовые к переезду куски нестабильны, поэтому зонд и сбивает. Вот почему гронатеицы никогда не живут на одном месте подолгу: какой смысл строить полноценное поселение, если через некоторое время его унесет неизвестно куда? Местная фауна чувствует колебания и просто уходит за границу плиты, а мы не были готовы к такому, вот и попались.

– Если гронатеицы чувствуют, что плита вот-вот сдвинется, почему они оказались так близко от шаттла, когда я впервые их встретила?

– Скорее всего, собирались посмотреть, что именно окажется на месте переместившейся поляны. А может, литосферная телепортация кажется им вмешательством местного божества, и они шли поклоняться ему – не знаю. Это довольно скрытная раса.

В принципе, то, что я имела несчастье наблюдать в лесу, действительно было похоже на некий религиозный обряд. Все эти бусы-четки, иступленные воззвания к чему-то или кому-то, светящийся посох в щупальцах главного гронатеица – чем не месса жестокому богу, меняющему облик планеты по своему усмотрению? Интересно, о чем они просили божество? Уж точно не о злобной землянке, устроившей драку с хомяком во время священного таинства, а потом еще и начихавшей, в прямом смысле слова, на их гостеприимство.

Рим между тем продолжал:

– Когда перезагруженная система продолжила глючить, я решил на всякий случай вернуть тебя на шаттл. Но от Синта пришел отказ.

– Извини, Айримир, не до тебя было, – покаялся Синт. – Отовсюду данные сыпались, я не успевал обработать. Пытался понять, как их блокировать, но в конце концов сам вырубился.

– У меня то же самое, – отозвался Кип. – Сообщения, сообщения... Экзабайты данных! Будто сама планета со мной заговорила.

– Этого не может быть, правда? – опешила я. – Хотите сказать, Гронатея – это гигантский компьютер?

Твиникийцы переглянулись и уставились на Рима с одинаково понимающим выражением. Флибериец замаялся, смущенно потер шею, но все-таки выдал:

– Да ну, глупости. Существование терральтера не доказано.

– Чего-чего? – Я с интересом подалась вперед.

Рим раздраженно вздохнул и перешел на привычный, насмешливо-пренебрежительный тон.

– Это сказка, Саша. Мол, существовала некогда цивилизация, мощь которой была столь велика, что все нынешние достижения ей и в подметки не годятся. Они создали первый терраформер⁸, да такой, что ни одна раса до сих пор не смогла его воссоздать. Он не просто менял климатические условия, как линатианский, а позволял программировать миры, стирая и отстраивая что угодно: любой рельеф поверхности, состав веществ и даже жизнь. По легенде, планета из-за терральтера сама становилась техникой. И некоторые, – он осуждающе покопился на твиникийцев, – до сих пор верят, что такое возможно, а кое-кто даже пытается его

⁸ Терраформер – инструмент для изменения климатических условий планет.

найти. Только все это выдумки! Нет никаких доказательств существования не только подобного устройства, но даже самих форисциан. Если бы это было правдой, мы бы давно их нашли. У нас восемь сверхразвитых цивилизаций – восемь! – и ни одна до сих пор не смогла сделать то, о чем говорится в этой байке.

Чем больше он говорил, тем сильнее меня грызли сомнения. На Земле меня не раз убеждали в отсутствии инопланетной жизни, приводя схожие аргументы, и оказались сокрушительно неправы. Вдруг и Рим заблуждается?

– А как же тот мужик с Шипры, отыскавший фрагмент терральтера? По всем новостям трубили, – припомнил Эник. – Он уверял, что форисциане спрятали разгадку у всех под носом, на самих планетах-устройствах. А если Гронатея одна из них?

– Да, а потом его нашли мертвым где-то в окрестностях Протоглимеи, в компании пустых бутылок грапиры, – отмахнулся Рим. – И что-то мне подсказывает: вряд ли он отмечал знакомство с форисцианами.

– Между прочим, алкоголя в крови не обнаружили. – Беник на секунду отвлекся от панели управления и посмотрел на Рима. – А расследование его гибели до сих пор идет.

– Да просто анализатор сбойнул! Только из-за этой ошибки дело и затянулось. Сектор глухой, помощи ждать долго, а он просто был пьян. Уснул и не проснулся.

– Ты этого не знаешь.

– Это понятно любому, кто мыслит логически. – Рим легонько постучал пальцем по лбу. – А те, кому рассуждать мешает вера в чудеса, пусть и дальше ищут несуществующую технологию и ее создателей. Только не забывайте о работе, пока будете мечтать.

Твиникийцы снова переглянулись, но спорить не стали. Единственный способ переубедить скептика в чем-либо – выложить факты прямо перед ним и для закрепления результата потыкать в них носом. Мечтатели и реалисты никогда не поймут друг друга, и твиникийцы тактично признали за начальством право на собственное мнение, одновременно оставшись при своем.

Поняв, что с их стороны сопротивления не будет, Рим повернулся ко мне.

– А ты лучше в себе сперва разберись, а потом уж играй в детектива. Не знаю, что это – какая-то особенность землян или твоя собственная дурость, но хотелось бы, чтобы это не влияло на окружающих. Когда ты вляпываешься в неприятности на корабле – это одно, но на высадке за тебя отвечаю я. А у меня, Саша, есть дела поважнее, чем разыскивать тебя по всей планете и в очередной раз вытаскивать из переплета!

– Ну так оставь меня умирать в следующий раз! – Я и без нотаций чувствовала себя препаршиво – сглупила, что и говорить. Но признаваться в этом Риму после таких слов – нет уж, дудки! – Не стоит отвлекаться от таких важных дел ради меня. Кучка мха не будет ждать, пока ты поможешь мне и вернешься, чтобы измерить ее ширину.

Рим молчал целых две минуты, испепеляя меня взглядом. Я решительно тарашилась в ответ, принципиально не отводя глаз, хотя больше всего мне хотелось потупить и извиниться. Облажалась я по полной и готова была это признать, но... попозже.

– Так и сделаю, – наконец пообещал Рим, и мне стало еще тоскливее.

Рим не разговаривал со мной весь полет, а после стыковки с «Фиброй» молча встал и ушел, даже не посмотрев в мою сторону. Я прикусила губу, сдержала порыв догнать его и осталась на месте. После ухода начальника твиникийцы снова оживились и с удовольствием рассказали, что произошло в наше отсутствие.

– Когда Айримир ушел, мы сперва следили за ним через Кипа. Он передавал текущие координаты каждые тридцать секунд, а потом вдруг замолчал. Мы попробовали связаться, но получили отбой и решили проверить. Тут-то нас и перебросило. Мы даже не въехали сперва,

представляешь? Панель пару раз пискнула – хоп! – и в иллюминаторе все другое. Вышли из шаттла, а там уже не лес, а скалы!

Да уж, представляю: двое из ларца, слаженно матерящие горный пик с вытянутыми от шока лицами. Беник подхватил рассказ без паузы, будто только что говорил сам. Совершенно идентичный голос лишь усилил впечатление.

– Мы там бродили, пока на каких-то летучих тварей не напоролись. Мелкие, а злобные такие – жуть! Еле ноги унесли. Потом по приборам выяснили, что калейдоскоп закинул нас в другой меридиан, да еще на такую высоту, что облака внизу остались. Холод там собачий, так что Айримира не слушай – это ему еще повезло внизу побыть.

– Коммуникаторы ваши вырубались, так что узнать точные координаты мы не смогли. Пришлось лететь обратно и искать ручную. Сперва над лесом парили, но за этими лопухами ничего не разглядишь, все в белый цвет сливается, аж глаза заболели. – Эник поморщился, будто до сих пор всматривался в слепящую даль, силясь отыскать среди деревьев две крохотные фигурки. – Ну, мы и подумали: раз мы вас найти не можем, значит, надо, чтобы вы заметили нас.

Беник кивнул и продолжил:

– Зависли на одной высоте, посигналили. Сидим, ждем, а вас нет и нет. Хорошо додумались с Леотимиром связаться. Это он нам про гору подсказал.

– Лео? Ему-то как в голову пришло?

Твиникийцы так загадочно перемигнулись, что я мигом навоображала о капитане пикантных подробностей, вплоть до тайного умения читать чужие мысли на расстоянии, и порядком взопреть. Если Лео знает, о чем я думаю в его присутствии, то мне остается только выпрыгнуть от стыда в открытый космос.

Доведя меня до состояния, близкого к припадку, твиникийцы все же объяснили:

– Он сказал, что в ситуациях, связанных с тобой, мыслить рационально бесполезно, и посоветовал найти самое невозможное для пешего место и смело лететь туда – именно там ты и окажешься. Мы подумали, что это прикол, но решили для собственного спокойствия все-таки слетать в ближайшей горе. И почти сразу вас нашли. Леотимир – гений!

У меня было свое, куда менее цензурное определение капитану, но я проглотила его, издав лишь тихий рык. И чего этим флиберийцам надо? Может, у меня и нестандартное мышление, но ведь в конечном итоге это идет всем на пользу!

Дракон времени зря не терял, успев поцарапать стены (ничего, затянутся!), разорвать и опробовать содержимое пакета с мусором (моя вина, не загрузила с вечера в утилизатор), извозиться в какой-то дряни (на поверку оказавшейся аналогом кофе) и напрудить лужу прямо посреди кухни (а вот за это не прошу!). Сейчас шкодник сосредоточенно грыз угол откидного стула и при первой же попытке отодрать его от предмета интерьера принялся грозно рычать и булькать горлом, будто внутри него было еще одно существо, которое не просто там сидело, а плавало в чем-то вязком и противном.

Кое-как прервав порчу корабельного имущества, я подхватила «дракона» на руки. Увесистое тельце немного потеплело на шатгле, но все равно было непривычно холодным. Я торопливо устранила наиболее выдающиеся последствия, а на остальное махнула рукой: твиникийцы не были аккуратистами, а о Риме и говорить нечего.

По дороге к зверинцу на нашу колоритную парочку оглядывались, но вопросов благо-разумно не задавали. То ли Рим успел пожаловаться, что я притащила из экспедиции нового постояльца, то ли – склоняюсь ко второму варианту – они просто решили, что зверек сбежал от Хоки.

У входа в свою вотчину я замешкалась, заранее настраиваясь на все неприятности, кото-рые неугомонная девица могла устроить в мое отсутствие. Но волновалась зря, все было в порядке. Почти.

Хока замерла спиной к дверям, изображая мастера боевых искусств. Мастер был пьян и увечен: Хока стояла на одной ноге, нелепо оттопырив другую, и шаталась, как деревце в осеннюю бурю. В руках девчонка сжимала знакомый флиберийский клинок, которым пыта-лась плавно покачивать, а на деле – размашисто чиркала воздух в опасной близости от клетки фламиотерикса.

Животные смотрели на меня печальными глазами, безмолвно умоляя предотвратить оче-редной лавовой коллапс.

– Кажется, ты должна была вернуть этот меч Риму?

Хока вздрогнула и выронила клинок. Тот упал с обиженным звяканьем, а следом при-землился солидный клок рыжих волос, срезанных в полете. Повезло, что флиберийская сталь ограничилась прической Хоки, а не, скажем, ухом.

– Он же улетал, – отмахнулась девица, и не подумав сожалеть ни о содеянной глупости, ни о потерянном локоне. – Сейчас схожу и отдам.

– Это не игрушка, – все-таки сказала я, хотя фраза заставляла чувствовать себя вредной бабкой. – Оставь, сама отнесу. Смотри, какой у нас гость!

Я сгрудила сонного «дракона» на лабораторный стол и сунула руки под мышку, чтобы согреть. Да-а, Риму и впрямь лучше не прикасаться к этому созданию. Хока тут же полезла щупать и удивленно констатировала:

– Как ледышка! Он живой вообще?

Вопрос, к счастью, был риторическим. Мы привычно осмотрели нового постояльца, который вел себя на удивление спокойно, не устаивая нас даже привычными знаками внимания, вроде скулежа и попыток откусить нам пальцы. Собственно, «дракон» мирно проспал весь час, пока мы над ним хлопотали.

Сломанная лапа без проблем и сопротивлений улеглась в новенький, остро пахнущий пластиком лубок, который нужный прибор вылепил точно по меркам. Материал с особыми добавками способствовал скоростному сращиванию костей, так что через пару суток зверек уже будет в порядке. Заминка вышла только с идентификационным чипом. Процедура активации требовала внести название вида, которого мы не знали.

– Его нет ни в нашей базе, ни в заметках Венимора. – Хока ответственно (в кои-то веки!) пролистала инфокно поиска до конца. – Есть похожие, но это не то.

– У нас новый вид?

От осознания, что только что сбылась моя стародавняя мечта, в голове случился ликующий салют. Я обнаружила новую форму жизни, о которой неизвестно даже умникам из МИК! Только ради этого стоило получить приписку к Флиберии!

– Не факт! – Хока походя разрушила миг моего триумфа. – База же все время пополняется, может, кто-то описывал это существо недавно, а мы еще не успели получить данные. – Она задумчиво побарабанила пальчиками по столу и нехотя добавила: – Придется в МИК звонить. Терпеть этого не могу! Сперва на линии час проторчишь, а после тебе еще сотню рекламных акций впячат – и даже трубку не повесить!

Я деловито кивнула, хотя сама еще ни разу туда не звонила. Несмотря на все огрехи, в некоторых вопросах Хока разбиралась гораздо лучше меня. Она с рождения варилась в этом котле, а мне приходилось наверстывать то, что другие члены экипажа знали с пеленок.

Временно отложив вопрос с чипом, мы настроили клетку и уложили туда «дракона». Хока осталась присматривать за ним и заполнять необходимые бланки (мои языковые успехи грозили уложить прочитавшего отчет на обе лопатки), а я подобрала меч и отправилась мириться.

Со времен первого посещения в каюте Рима ощутимо прибавилось хлама, но я уже привычно прошлась между раскиданными безделушками, раздавив всего одну. Самого хозяина в комнате не было, но из-за переборки доносились характерные звуки, подсказавшие, что флибериец отмокает в душе. Мне тоже хотелось помыться, а потом – упасть без задних ног, но это терпит. Я села на койку и стала ждать, когда Рим закончит водные процедуры и явится перед мои виноватые очи.

Каждое помещение корабля имеет свой, отличный от других запах. За полгода я настолько привыкла к этому, что смогла бы определить, где нахожусь, даже с закрытыми глазами. В моем блоке, например, пахнет кормовыми смесями, а с недавних пор – еще и гарью. В столовой – нежно любимыми Аглаей и вызывающими тошноту у всех остальных, кабачками. Рубка отдает металлом и почему-то – молнией, хотя флиберийские технологии имеют мало общего с электричеством. Огромное помещение ангара насквозь провоняло хвоей из-за механизма дезинсекции на выходе, а мостовая палуба, благодаря стараниям Мелиссы, имеет свежий, лиственный-цветочный аромат.

В каюте Рима пахло приключениями. Странные, непонятные, здешние запахи отказывались раскладываться на составляющие, но все как один напоминали об инопланетных мирах.

Я любила этот запах. Он воскрешал воспоминания о нашей первой встрече, моих первых робких шагах по кораблю, и был таким... родным. Не удержавшись, я уткнулась носом в подушку и глубоко вдохнула. Нет, все-таки это был правильный выбор. «Фибра» – мой дом, здесь мое место. Тут мне всегда будет комфортно.

Дверь ванной комнаты скользнула в сторону, и Рим размашисто шагнул в каюту, одетый в клубы пара.

И только в них.

– Ой! – взвизгнула я, загораясь от него подушкой.

– Какого... – зарычал Рим и, судя по звукам, рухнул в проеме, поскользнувшись на влажном полу.

– Эксгибиционист проклятый! Оденься немедленно!

– Обалдеть, она еще и обзывается! – не поверил своим ушам Рим, поднимаясь с характерным кряхтением и грохотом. – Вообще-то это ты ворвалась ко мне без предупреждения!

– Я же не знала, что ты голый оттуда выйдешь!

– А надо в смокинге?!

– Надо в полотенце!

Рим, сердито бурча, принялся ворошить гору вещей в кресле, но, судя по всему, комбинезона там не нашел и утонул обратно в ванную, к модулю, выдающему чистую одежду. Вернулся он через минуту и грубо выдернул у меня подушку.

– Ну?

Я на всякий случай зажмурилась и наугад ткнула пальцем в сторону клинка.

– Я твой меч принесла.

– Спасибо! – рявкнул флибериец без малейшей благодарности в голосе. – Это все?

– Нет! – Приоткрытый глаз ничего цензурного не увидел, так что я открыла и второй, уставившись на Рима с осуждением. – Почему ты вечно расхаживаешь без одежды?

– Потому что кроме тебя ко мне никто не врывается! – отгавкнулся Рим, но уже поспокойнее. – Нормальные люди перед этим стучат!

– Я стучала, ты не открыл. Думала, еще дуешься!

– Можно подумать, я сам к тебе в ванную влез! – Рим неожиданно усмехнулся и добавил: – В лесу ты была посмелее...

– Не напоминай!

– Ведешь себя, как девочка. Или...

– Рим! – перебила я. – Тебе не кажется, что мне и так уже достаточно стыдно?

Рим задорно расхохотался, заражая меня своим весельем и сводя на нет отчужденность, возникшую после ссоры. Приятно, когда нет нужды в извинениях. Он сам понял, что я раскаялась, и простил без лишних слов, а мне оставалось лишь оказать ему ту же услугу в ответ.

– Все-таки несправедливо, – заметил Рим, когда мы отсмеялись. – Почему тебе можно задавать такие вопросы, а мне нет?

– Потому что я была пьяная и буйная!

– Мне напиток?

– Ты невозможен, – простонала я и кинула в него подушкой.

Рим отбил, почти не глядя, и подушка улетела в сторону кресла, где немедленно затерялась на фоне прочих тряпок. А реакция у него становится все лучше – сказывались регулярные тренировки. Со временем Леотимир сделает из него настоящего флиберийца, и Рим перестанет быть белой вороной среди своих. Я радовалась за него, но одновременно немного беспокоилась. Раньше эта оторванность от остальных роднила нас и помогала лучше понять друг друга. А теперь Рим потихоньку вливается в свой родной мир, а я остаюсь вдали от своего. Что если со временем ему станет неинтересно со мной, и он найдет компанию, в которой мне не будет места?

– Ты скучаешь по Земле? – неожиданно спросил Рим, будто прочтя мои мысли.

– Возвращаться не собираюсь, если ты об этом.

– У тебя бы и не вышло. Но тебе не хватает того, что там было? Семьи, друзей, привычного мира вокруг?

– Немного, – призналась я. – А тебе?

– Я, по крайней мере, могу им позвонить. К тому же, большую часть друзей я встретил в Академии. Они тоже летают, и мы иногда пересекаемся в космопричалах.

– А эта твоя инопланетянка?

Рим сперва не понял, а потом хитро заулыбался.

– Ты ревнуешь, что ли?

– Да ну тебя! – вспыхнула я.

Рим зафыркал, ну в точности как школьник на уроке про пестики и тычинки, а у меня зачесались руки запустить в него чем-нибудь поувесистее подушки. Как можно быть таким мальчишкой? А еще флибериец, тьфу!

– Ларинн с Цер-теи. Это четвертая из сверхразвитых планет.

– А Флиберия первая?

– Да. Флиберия, Крон, Линат, Цер-тея, Тейра, Райпак, Деймор и Шипра, – без запинки перечислил Рим, загибая пальцы. – Последняя получила статус совсем недавно.

Я попробовала повторить про себя, но сдулась на Линате и решила, что раз прожила без этих знаний почти двадцать семь лет, то и дальше как-нибудь перебыюсь.

– Как она выглядит?

Назвать Рима скрытым не поворачивался язык, контактер обязан быть коммуникабельным. Но одно дело болтать о сущей ерунде, и совсем другое – делиться информацией о личной жизни. Удобное для подобных расспросов настроение у Рима так легко сменялось привычным пренебрежением, что его следовало ловить, пока есть возможность.

– Красивая. У них все на планете красивые.

Я живо представила фигуристую красотку, почему-то зеленокожую, но все равно прекрасную, как диковинный цветок. Представителей Цер-теи я пока не встречала и могла только воображать, как выглядит пассия Рима, о которой он говорит с таким восторженным придыханием.

– Ты случайно не хранишь ее фото под матрасом? Очень посмотреть охота.

Рим покраснел и покосился в сторону койки, но вынимать оттуда улику не стал – покопался в планшете и предъявил мне Ларинн в цифровом виде.

Я присмотрелась и поперхнулась на вдохе.

Нет, Рим не соврал, инопланетянка действительно была прекрасна, но такой своеобразной, если не сказать, зловещей красотой, что первым моим порывом было отшатнуться и взвизгнуть. Удержавшись огромным усилием воли, я уставилась на портрет, внутренне передегиваясь.

Кожа оказалась не зеленой, а угольно-черной и матовой, как тень при ярком боковом освещении. Волос у красотки не наблюдалось – их успешно заменяла природная пигментация, выполненная в форме тигриных полос, тоже черных, но отчетливо видимых за счет глянцевого блеска. Четыре огромных ядовито-салатовых глаза гипнотизировали даже со снимка. Ларинн улыбалась, а может, скалилась, – я в первую очередь заметила ряд острых клыков, а дальше мне стало не до анализа мимики. На снимке было только лицо, но заикленная на инопланетной биологии фантазия мгновенно дорисовала остальное. Судя по плечевым костям, у Римовой мечты были еще и крылья, скорее всего, перепончатые, а над головой виднелся кончик хвоста.

В общем, дивный портрет эффективно доказывал, что флиберийцы очень, очень смелые. Очень!

– И все цертейцы такие э-э-э... экзотичные? – корректно уточнила я.

Рим кивнул, непонятно чему радуясь. Сам он смотрел на прекрасную горгулью с восхищением и нежностью.

Что ж, не будем оспаривать чужие вкусы. В конце концов, Веник тоже выглядел странно, зато какой внутренний мир!

На следующий день я проснулась к обеду и чрезвычайно этому факту удивилась.

– Синтик, с тобой все в порядке?

Коммуникатор мигнул, что-то сонно пробормотал и снова выключился. Видимо, встреча с планетой-компьютером до сих пор аукалась. Кип вчера тоже был непривычно молчалив, проспав даже наш с Римом пикантный разговор, который в другое время не преминул бы разнообразить ехидными комментариями.

Меня так и подмывало устроить гаджету эмоциональный подъем в его излюбленном стиле. Но раз уж отношения в кои-то веки пошли на лад, не стоит их портить ради малюсенькой, но такой желанной мести.

Умывшись, я залезла в тайник за дверцей шкафа, призванный защитить чудовищно вредные чипсы и бессовестно калорийные сэндвичи от всевидящего ока госпожи Ростной. И с сожалением отметила, что запасы значительно поредели. В ближайшее время придется пополнить их в кладовке Аглаи, иначе меня ждет голодная смерть в компании вареных кабачков. В такие моменты я жалела о зачислении в штат: будь у меня доступ к панели заказа еды, как раньше, не приходилось бы рисковать, совершая тайные набеги на территорию воинствующей веганианки.

Наскоро позавтракав – или уже пообедав – двумя сиротливыми бутербродами, я натянула форменный комбинезон и выскочила из каюты. Проходящий мимо Рим кивнул мне в знак приветствия и зевнул так, что чуть не вывихнул челюсть. Гронатея мучила своих гостей даже на расстоянии.

Мы вместе поднялись на мостовую палубу и разошлись в разные стороны. Рим скрылся в рубке, а я с ужасом замерла перед дверью зверинца. Оттуда доносились страшные, ни на что не похожие рыдания. Хока мялась неподалеку, в окружении недовольных членов экипажа.

– Он не замолкает ни на минуту! – пожаловалась она, предусмотрительно держась от меня на расстоянии вытянутой ноги. – Слушала все утро, аж голова разболелась!

Сообразить, о ком идет речь, труда не составило.

– А причину концерта ты выяснить не пыталась?

– Конечно, пыталась! Он не голодный, и клетка в порядке. Я хотела его погладить, а он меня тяпнул, вот, смотри!

Продемонстрированная конечность остро пахла регенерационной мазью и была перемотана нанобинтом до состояния мумифицированной гусеницы.

Кажется, пришло время укрощать дракона.

Углядев меня на пороге зверинца, животные было подскочили, но акустическая мощь гронатейского найденыша мигом загнала их обратно в норы. Фламитерикс вообще скрылся под лавой с глаз долой: его дом соседствовал с клеткой «дракона».

– И чего бузим? – строго спросила я, нависая над беспокойным новичком, который выл так самозабвенно, будто репетировал оперную арию. – Зачем отсек баламутим, соседей пугаем, а?

«Дракон» на секунду смолк, набирая воздух, и разразился такими воплями, что мне захотелось, по примеру животных, залечь на пол и заткнуть уши.

В следующие полчаса выяснилось, что беспокойный зверь не желает ни есть, ни пить, вполне доволен новым местом обитания и соседями. По всему выходило, что его не устраивает только тишина, что он и пытался исправить с поистине королевским размахом. Я почти

оглохла, пытаясь выяснить, что же ему надо, и в конце концов в отчаянии села напротив, признавая свое полное бессилие.

– Scharte ma farranta! – заглянул в отсек Финик.

– Ты снова языки перепутал, но можешь не переводить.

– Знаешь кронийский? – восхитился лингвист.

– Нет, просто меня он тоже уже «шате ма фарранта» по самое не могу.

– Scharte, – машинально поправил Финик. – Уйми его, работать невозможно! Эти вопли в запись вклиниваются, а там и так сплошной гул!

– Пытаюсь!

– Что здесь творится? – Аглая присоединилась к лингвисту, который галантно пропустил даму вперед. Столовая примыкала к моему отделу с другой стороны. Представляю, какое звуковое испытание постигло тех, кто отважился там поесть. – О, ничего себе глотка! Нельзя ли как-то его успокоить?

– Я пытаюсь! – повторила я, потихоньку зверея.

– Кого пытаются? – послышалось в третий раз и в отсек через начавшую собираться толпу протолкался Фриам.

Аглая порозовела и спешно поправила прическу. Новый корабельный доктор каким-то чудом сумел растопить сердце неприступной девушки, хотя представить не могу, чем он ей приглянулся. Разве что внешностью: мужественные черты, точеные скулы, холодные глаза и такое же сердце. Сразу же по прибытии Фриам заявил, что соседство медблока и диких зверей недопустимо, и предъявил капитану требование выделить ему личный кабинет, поскольку лечить людей в «этой антисанитарии» может только шаман с бубном. Леотимир флегматично пожал плечами и отжалел врачу пустующий отсек рядом с регенерационным модулем. Вообще-то, тот для медблока и предназначался, просто Венимор в свое время замучился бегать туда-сюда через весь балкон и лихо объединил два отдела в один. Фриам тут же туда перебрался, на прощание одарив нас с Хокой таким взглядом, что непривычная девчонка съезжилась, а я окончательно уверилась, что болеть не хочу.

Углядев главного солиста, Фриам так удивился, будто ожидал увидеть вместо вопящего зверька самого капитана.

– Не справляешься со своими обязанностями, маленькая землянка?

– Своей работы нет, хоть на чужую посмотреть решил? – в тон ему протянула я.

Дракон тоскливо подпел, заставляя морщиться всех присутствующих.

– Показатель компетенции врача – здоровая команда, – переждав звуковой барьер, нравоучительно заметил Фриам. – И у меня, как видишь, с этим все в порядке.

– А не пойти ли тебе...

– Саша! – осекла меня Аглая.

– ...в свой отдел, – закончила я, желая предложить совсем другое.

– Я краем уха слышал, что у кого-то тут болит голова. Впрочем, удивляться нечему – в таком дурдоме кто угодно на стенку полезет!

Хока поймала мой взгляд и замотала вмиг оздоровившейся головой. Болеть в компании Фриама ей явно не улыбалось.

– Мы предпочитаем сдохнуть без твоей помощи.

Фриам насмешливо фыркнул, явно намереваясь выразить сомнения по этому поводу. Гронатейский найденыш повернулся на звук и возрыдал. Может, таблетку от головной боли требовал?..

Впрочем, Фриам вообще животным не нравился, подтверждая теорию, что звери порой умнее людей. Вирши тоже с момента его появления шипит вон.

– Успокойся, маленький, – ласково обратился к «дракону» медик, – злой землянке не хватит компетенции, чтобы тебе навредить.

Зверек печально вздохнул, жалея, что Фриама нет в его меню.

– Идем, дорогой, я как раз собиралась к тебе. Минералочки поьем, поболтаем, – верно истолковав мое настроение, зачирикала Аглая, запросто преодолела легкое сопротивление отнюдь не хрупкого мужчины и ушла, увлекая его за собой.

– У-у-у! – взвыл им вслед «дракон».

– А-а-а! – простонала я на той же ноте, пряча лицо в ладонях.

Неожиданно зверь замолчал и прислушался. Финик заинтересованно подался вперед и в припадке лингвистической любознательности прошептал:

– Саша, ну-ка еще повой!

– Ы-ы-ы, – без энтузиазма продолжила я. Зверек внимательно выслушал, рывкнул и завилял хвостом.

– Оно отвечает! – возликовал Финик, который точно был не в курсе, что животные способны не только жрать и спать. – С ума сойти, это же настоящий лингвистический прорыв! Если мы сможем расшифровать язык животных, только представьте, чего мы добьемся!

Тут уже не выдержала я.

– Так, а ну-ка брысь отсюда, мне нужно работать!

– Но Саша! Это же удивительное открытие... – Финик не договорил, потому что я свирепо зарычала, вытолкала излишне увлеченного лингвиста наружу, прямо в руки недоумевающей Хоке, и забаррикадировалась дверью от них обоих.

Никакого покоя!

Само собой, чуть позже Хоку пришлось впустить, а причина концерта стала понятна к вечеру.

– Вот это зубы... – потрясенно выдохнула девчонка, с ужасом прижимая к себе обе руки – и целую, и забинтованную. – Как это он мне кисть не отгрыз?!

Я с огромным удивлением разглядывала крошево, оставшееся от лубка. Застывший нанопластик по крепости превосходит камень, его невозможно ни распилить, ни сломать, а для снятия используется специальный раствор. Но гронатейское чудо отринуло эти презренные факты и всего за пару минут, пока мы не хватились, умудрилось разгрызть лубок на десяток осколков, не подлежащих сборке и пониманию. Невероятная сила челюстей!

– А что будет, когда он вырастет?..

– Он же не агрессивный.

– Он меня цапнул! Может, съесть хотел!

– Брось, он даже не хищник, зачем ему тебя есть? Видимо, ему просто не нравился запах лубка, вот и выл, чтобы сняли. А тебя укусил, чтоб не лезла попусту.

– Ты как хочешь, а я второй накладывать не буду!

– И не надо. – Я ощупала лапу, бестрепетно протиснув ладонь прямо под остервенело вылизывающую пасть. Зверь, разогнавшись, заодно почистил и меня, щекоча кожу холодным языком. На боль пациент не пожаловался, значит, кость более-менее срослась и уже не доломается. – Похромает немного, раз не желает лечиться.

– Саша, убери оттуда руку, а?

– Хока, успокойся! У нас тут куча зверей куда опаснее, но ты ведь не шарахаешься, скажем, от вирши?

Вирши по размеру был как раз с «дракона» и наматывал кросс в клетке неподалеку, перебирая по бегущему полотну незнающими усталости лапами. На воле этот зверь пробегал тысячи километров за день, выслеживая редкую добычу в обширных пустынях родной планеты.

Сейчас этот поджарый хищник двигался ленивой рысью, но я лично видела, как он устраивал забеги, на фоне которых земные гепарды казались бы престарелыми улитками. Убежать от него было невозможно, а в пасти зверя скрывался язык-петля, который выстреливал оттуда

с невероятной скоростью, хватал жертву и, предварительно удушив, целиком затягивал в растягивающуюся глотку.

Даже мне было не по себе, когда упомянутый орган впервые эдак вдумчиво обвил мою руку. Но впоследствии выяснилось, что такой язык нужен не столько для убийства, сколько для поиска воды в глубоких расселинах. Вирши питаются далеко не каждый день, зато часто и помногу пьют.

Хока сопоставила манеру движения и вооружение двух существ и виновато улыбнулась. По сравнению с вирши «дракон» и вправду был невиннее мышки.

Часом позже я воровато прошмыгнула к себе, без ведома Хоки утащив из зверинца гронатейского безбилетника. Хотелось поговорить с представителями МИК без посторонних глаз, а гиперактивная девушка всенепременно влезла бы в разговор.

Укутанное в плед на время переноски существо, узрев новую территорию, немедленно дало понять, что у него есть более важные дела, чем смиренно сидеть у меня на руках. Я посадила его на кушетку, позволив исследовать пространство в свое удовольствие, быстро набрала заранее найденный номер и встала напротив панели управления, чувствуя себя не в своей тарелке. Мне еще не доводилось кому-либо звонить из космоса, и дальнейшие действия я представляла смутно.

Видимо, сотрудники МИК были слишком заняты, чтобы отвечать какой-то землянке по первому гудку. Пришлось простоять напротив панели добрых пять минут, размышляя, могла ли я сделать что-то не так. Никаких признаков исходящего звонка не наблюдалось, панель оставалась черной и безжизненной. Я уже хотела попросить помощи у Синта, но тут динамик наконец зашуршал.

– Межгалактическая Исследовательская Корпорация, – отозвался механический голос.

– Э-э-э, здрасте! – неловко поздоровалась я. – У меня тут неопознанный вид с Гронатеи, с кем мне...

– Если вы хотите узнать свое текущее местоположение, нажмите один, – перебила меня тетка.

– Что?.. – растерялась я.

– Чтобы оформить заявку на ремонт оборудования, нажмите два.

– Эм... спасибо, но...

– Если вы желаете заказать комплексное исследование планетарной системы, нажмите три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.